

Волгоградское муниципальное учреждение культуры
«Централизованная система городских библиотек»
Центральная городская библиотека
Информационно-библиографический отдел

Петр Аркадьевич Столыпин *в современных периодических изданиях*

Библиографический дайджест

К 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина

Волгоград
2012

ББК 91.9:63

П 30

Составитель

Малуева Галина Геннадьевна

Редактор

Зоткина Вера Юрьевна

Ответственный за выпуск

Пруданова Светлана Васильевна

П 30

Петр Аркадьевич Столыпин в современных периодических изданиях по истории : библиогр. дайджест : к 150 летию со дня рождения П. А. Столыпина / [сост. Г. Г. Малуева ; ред. В. Ю. Зоткина] ; ВМУК «ЦСГБ», Центр. гор. б-ка, Информ.-библиогр. отдел. – Волгоград, 2012. – 50 с. : портр. – Библиогр.: с. 45–50 (57 назв.).

Издание включает тематическую подборку источников о Петре Аркадьевиче Столыпине. Среди представленных в пособии полнотекстовых материалов: сведения о жизни и деятельности премьер-министра, мнения о нем его современников, материал для проведения уроков. Список использованных источников составляют статьи из периодических изданий (2011–2012).

Пособие рассчитано на преподавателей, учащихся учебных заведений, а также широкий круг пользователей.

91.9:63

© ВМУК «ЦСГБ», Центральная городская библиотека, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	4
I. Петр Столыпин: жизнь и деятельность	5
Воловик А. Пётр Столыпин: отрывок из книги «Личность».....	5
Шевчук И. Столыпины и Севастополь	11
Кабытов П. Помещик села Чулпановки: Столыпин в своих имениях.....	14
Голиков А., Рыбачёнок И. Путь «канатоходца»	17
II. В воспоминаниях современников.....	19
Репников А. Бесстрашие: Пётр Столыпин глазами Василия Шульгина.....	19
«...Думал, приказывал, говорил»	19
«Сезам, который отпирает все запоры»	20
«Дорога западноевропейского устройства»	22
III. Столыпин в историографии	24
Наумов С. Государственное трезвомыслие: Столыпин в исторической памяти и исторической науке	24
IV. Материалы для подготовки уроков.....	28
Лозбенёв И. Согласие и противостояние: аграрная реформа Столыпина и крестьянство	28
Козлов С. Российские аграрники-новаторы периода столыпинских реформ.....	35
«Пахание земли» или «пахание мозгов»?	38
«Наилучшие местные хозяева».....	40
«Партизаны революции» или «проводники просвещения»?	42
Список использованных источников	45
Рекомендательный список литературы	46
Приложение. Интернет-ресурсы	50

От составителя

В 2012 г. исполняется 150 лет со дня рождения П. А. Столыпина (1862–1911). Он вошел в историю России как один из крупнейших политических и государственных деятелей, как талантливый преобразователь страны. Имя П. А. Столыпина всегда вызывало споры, его упоминание сразу же втягивает в круговорот страстных и взаимоисключающих оценок. Ни один из политических деятелей царизма начала XX века не может идти с ним в сравнение по преданной и восторженной памяти его почитателей и сосредоточенной ненависти революционеров. Несмотря на то, что политическая карьера П. А. Столыпина была недолгой – всего 5 лет, он был и министром внутренних дел, и председателем Совета министров. Но причина особого интереса к личности П. А. Столыпина не только в его личной судьбе и драматизме сопровождающих ее событий. С деятельностью «российского Бисмарка» тесно связан вопрос о том, какого же значения столыпинского курса и почему не состоялся путь реформ. Этот вопрос не получил удовлетворительного ответа в литературе о П. А. Столыпине, споры о значении намеченных им преобразований ведутся до сих пор. Именно сегодня, когда Россия идет по пути модернизации, идеи великого реформатора П. А. Столыпина наиболее актуальны.

Предлагаем Вашему вниманию дайджест, (тематическую подборку) статей из периодических изданий по истории о Петре Аркадьевиче Столыпине, подготовленный информационно-библиографическим отделом. Среди представленных в пособии материалов: сведения о жизни и деятельности великого реформатора, мнения о нем его современников, характеризующие его личностные качества, малоизученные стороны деятельности Петра Аркадьевича.

Публикации систематизированы по тематическому принципу. Первый раздел включает отрывок из книги Александра Воловика «Личность». Отрывки из статьи А. Кабытова дают читателю возможность полнее узнать о деятельности Столыпина как помещика, так как эта тема недостаточно полно представлена в исторической литературе. Статья основана на воспоминаниях дочери Марии Бок, и книге «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния». Статья Игоря Шевчука «Столыпина и Севастополь» отражает деятельность предков Петра Аркадьевича, чьи судьбы были связаны с этим городом, а также столыпинскую программу поддержки российского флота. Выдержки из статьи Андрея Голикова и Ирины Рыбаченок «Путь «канатоходца» освещают такие факты истории, как Петр Аркадьевич Столыпин – в русской карикатуре в 1906 году.

Во втором разделе дайджеста даны отрывки из статьи Александра Репникова «Бесстрашие: Петр Столыпин глазами Василия Шульгина», который даже и в 1960-е годы отстаивал идеи премьеры в своих записках и воспоминаниях.

В третьем разделе представлены отрывки из статьи Сергея Наумова «Государственное трезвомыслие: Столыпин в исторической памяти и исторической науке», о том как исследовалась деятельность Столыпина-реформатора, какие оценки давались его реформам в разные периоды истории нашей страны.

Полнотекстовый материал дается в четвертом разделе, в котором даны материалы для подготовки к урокам по теме: «Столыпин: судьбы реформ».

В дайджесте также представлены: список использованных источников и рекомендательный список литературы, взятые из сводного электронного каталога ВМУК «ЦСГБ». В приложении даны Интернет-ресурсы посвященные Петру Аркадьевичу Столыпину. Данное пособие рассчитано на преподавателей, учащихся учебных заведений, а также широкий круг пользователей интересующийся историей.

І. Петр Столыпин: жизнь и деятельность

Воловик А.

Пётр Столыпин:

отрывок из книги «Личность»¹

Вокруг имени великого реформатора намешано столько всякой всячины... Что значит быть самобытной и яркой политической фигурой! Тот случай, когда крайности сходятся. Революционеры считали его реакционером, «обер-вешателем» (В. И. Ленин), консерваторы, напротив, признавали его опаснейшим революционером. Ему же, истинному реформатору, постигнувшему вселенские законы эволюции, не хватило времени («Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего и вы не узнаете нынешней России») и... жизни. На него охотились не меньше, чем на другого реформатора, царя Александра II. Одиннадцать покушений! Последнее удалось вполне, так, как он и предвидел, предчувствовал незадолго перед гибелью: «Меня убьют, и убьют члены охраны». Истинный сын России... Вдумайтесь только, из каких глубин русской истории пророс его род. По линии матери Натальи Михайловны, урожденной Горчаковой, он восходит к Рюриковичам. Немало послужили Отечеству и Столыпины. Отец будущего реформатора, Аркадий Дмитриевич, отличился во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, по окончании которой был назначен губернатором Восточной Румелии и Андрианопольского санджака в Болгарии. Его предки были хорошо известны уже в XVI столетии. Сын родоначальника Григория Столыпина Афанасий и внук Сильвестр были муромскими городскими дворянами. Сильвестр Афанасьевич за заслуги в войне с Речью Посполитой во второй половине XVII века столетия был награжден поместьем в Муромском уезде. У его внука Емельяна Семеновича было два сына – Дмитрий и Алексей. У Алексея, прадеда будущего премьер-министра, от брака с Марией Афанасьевной Мещериновой родились шестеро сыновей и пять дочерей. Один из сыновей, Александр, был адъютантом великого русского полководца Суворова. Другой – Аркадий – стал сенатором, Николай и Дмитрий, дослужились до генералов. Одна из пяти сестер деда Петра Столыпина вышла замуж за Михаила Васильевича Арсеньева. Их дочь Мария родила великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, (Петр Аркадьевич приходится Лермонтову троюродным братом). Интересно, что их деда Дмитрия Алексеевича Столыпина, одного из генералов-героев Отечественной войны 1812 года, дворянские революционеры-декабристы прочили в премьер-министры правительства... Запутаны и извилисты сюжетные ходы истории!

Родился Петр Аркадьевич 2 (14 апреля) 1862 года... на чужбине: в столице Саксонии Дрездене, куда ездила к родным его мать. И крещен был спустя полтора месяца в дрезденской православной церкви. Пять его первых детских лет прошли в усадьбе Середниково Московской губернии, затем в имении Колнобереже Ковенской губернии. Когда пришло время определять детей в гимназию, Аркадий Дмитриевич купил дом в соседнем Вильно, где 12-летний Петр был зачислен во второй класс Виленской гимназии и проучился до шестого класса. В сентябре 1879 года, когда 9-й армейский корпус под командованием отца был возвращен из Болгарии в город Орел, Петра и его брата Александра перевели в Орловскую мужскую гимназию, причем Петра зачислили в седьмой класс.

3 июня 1881 года 19-летний Петр получил аттестат зрелости в Орловской гимназии и 31 августа поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета. Учился он так серьезно, что самому Д. И. Менделееву экзамен по химии сдал на «отлично».

¹ Воловик А. Пётр Столыпин : отрывок из книги «Личность» // Честь Отечества. 2012. № 3. С. 7–11.

Он быстро вырос и рано женился. Предшествовали этому обстоятельства трагические: на дуэли с князем Шаховским был смертельно ранен старший брат Михаил, помолвленный с фрейлиной императрицы Марии Федоровны Ольгой Борисовной Нейдгардт – праправнучкой Александра Васильевича Суворова (как же тесен мир). По семейному преданию, брат на смертном одре положил руку Петра на руку своей невесты. Через некоторое время Столыпин просил ее руки у отца Ольги Борисовны... Позднее сам Петр также стрелялся с убийцей брата и был ранен в правую руку. Последствия этой раны сказывались всю жизнь. А брак его оказался удачным. У Столыпиных родились пять дочерей и один сын.

В октябре 1885 года по окончании университета Петр Столыпин, зачисленный на службу в Министерство внутренних дел, был переведен в Департамент земледелия и сельской промышленности». Карьера молодого чиновника складывалась блестяще. В 1886 году он был утвержден в чине коллежского секретаря (X класс табели о рангах), в январе 1887 стал помощником столоначальника (VII класс) этого департамента, а 1 января 1888 года Столыпин был «пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества» (V класс).

Но с 18 марта 1889-го Столыпин – вновь на службе в Министерстве внутренних дел: назначен Ковенским уездным предводителем дворянства и председателем Ковенского суда мировых посредников. За 13 лет службы здесь, до 1902 года, Столыпин приобрел немалый жизненный и административный опыт. Прежде всего, он через Сельскохозяйственное общество взял под контроль и опеку всю местную хозяйственную жизнь. Главными задачами общества были просвещение крестьян и увеличение производительности их хозяйств, внедрение передовых методов хозяйствования и новых сортов зерновых культур. Столыпин предметно и пристально изучал земледелие и проблемы крестьянства. И не из сухих книжных знаний рождались затем его реформаторские идеи.

Столыпин быстро рос в чинах. В 1890 году он был назначен почетным мировым судьей, титулярным советником, в 1891 – произведен в коллежские асессоры, через 2 года награжден первым орденом Святой Анны, в 1895 – произведен в надворные советники, вскоре получил придворное звание камергер, в 1899 – стал коллежским, а в 1901 – и статским советником.

30 мая 1902 года Столыпин неожиданно для себя был назначен гродненским губернатором, и столкнулся с немалыми трудностями. Особенностью губернии был ее неоднородный национальный состав: в городах преобладали евреи, аристократию, в основном, представляли поляки, а крестьянство – белорусы. На второй же день работы новый губернатор закрыл Польский клуб, где господствовали «повстанческие настроения». Потом в Гродно были открыты еврейское двухклассное народное училище, ремесленное училище, а также женское приходское училище особого типа, в котором, кроме общих предметов, преподавались рисование, черчение и рукоделие. Начал Столыпин и проводить реформы (пока в одной губернии), которые включали расселение крестьян на хутора, ликвидацию чересполосицы, внедрение многопольных севооборотов и искусственных удобрений, улучшенных сельскохозяйственных орудий, развитие мелиорации и кооперации, повышение образования крестьян.

Вскоре ему предстояло новое повышение по службе – назначение губернатором Саратовской губернии, более зажиточной и развитой. На этом посту встретил Столыпин начало русско-японской войны, поражение в которой стало в России прологом революции. Саратовская губерния летом 1905 года была одним из основных очагов аграрных беспорядков. Столыпин – один из немногих, кто с редким мужеством и бесстрашием противостоял стихии. Энергичные действия Столыпина, благодаря которым жизнь в Саратовской губернии постепенно успокаивалась, были замечены Николаем II. В апреле 1906 года государь назначает его министром внутренних дел.

Масштаб деятельности министра внутренних дел Российской империи традиционно выдвигал его на первое место среди других. В его ведении были управление делами почты и телеграфа, государственная полиция, тюрьмы, ссылка, губернские и уездные администрации,

взаимодействие с земствами, продовольственное дело (обеспечение населения продовольствием при неурожае), пожарная часть, а также страхование, медицина, ветеринария, местные суды... Таким министром Столыпин оставался до конца своей жизни, совмещая оба поста, когда стал даже премьер-министром

Тогда новому министру пришлось наводить порядок в бурлящей событиями стране, да еще в условиях противодействия I Государственной думы. Дитя революции, она была в основном представлена «левыми», с самого начала взявшими курс на конфронтацию с властью. Столыпин изначально дал понять, что «надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России». Когда Дума надумала обратиться к населению с разъяснениями по аграрному вопросу и заявлением, что она «от принудительного отчуждения частновладельческих земель не отступит», иссякло терпение императора. 8 (21) июля 1906 года I Государственная дума была распущена, ушло в отставку и бессильное правительство И. Л. Горемыкина. Его заменил на посту премьера Петр Аркадьевич Столыпин.

Действовать на посту премьер-министра Столыпину пришлось весьма энергично и в труднейших условиях. Его отношения и со II Государственной думой были крайне напряженными. В ней насчитывалось более сотни представителей партий, которые напрямую выступали за свержение существовавшего строя. Кроме РСДРП, были эсеры, чьи боевые дружины устраивали покушения и убийства высших должностных лиц России. Были польские депутаты, выступавшие за выделение Польши из Российской империи в отдельное государство. Две самые многочисленные фракции кадетов и трудовиков провозглашали принудительное отчуждение земель у помещиков с последующей передачей крестьянам. Когда в феврале 1907 года был раскрыт в столице заговор, ставивший целью совершение террористических актов против императора, великого князя Николая Николаевича и самого Столыпина, и правительство предъявило Думе ультиматум, требуя снять депутатскую неприкосновенность с предполагаемых участников заговора, Дума не согласилась, всячески затягивая процедуру обсуждения этих требований. И царь 3 июня распустил Думу.

Изменение избирательной системы увеличило при выборах в Государственные думы III и IV созывов представительство землевладельцев и состоятельных горожан, а также русского населения по отношению к национальным меньшинствам. В них сформировалось даже проправительственное большинство. В III Думе получили 154 мандата «октябристы». Находясь в центре, они обеспечивали Столыпину принятие законопроектов, вступая в коалицию по тем или иным вопросам либо с правыми, либо с левыми членами парламента. Зато правительственные проекты бюджета всегда находили в Думе поддержку.

Чаще всего в вину реформатору ставят закон о военно-полевых судах, изданный в ответ на революционный террор. В 1901–1907 годах Российскую империю сотрясали десятки тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 9 тысяч человек. Не столько высшие должностные лица государства, сколько городские и просто случайные люди. Убийцам удавалось избежать наказания вследствие судебных проволочек, адвокатских уловок и гуманности общества.

Жуткий взрыв в особняке Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 года унес жизни нескольких десятков людей, которые случайно там оказались. Пострадали и двое детей Столыпина – Наталья и Аркадий.

«Закон о военно-полевых судах» был принят 18 августа 1906 года в качестве «меры исключительной охраны государственного порядка». В губерниях, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны, временно вводились особые суды из офицеров, ведавших только делами, где преступление было очевидным (убийство, разбой, грабеж, нападения на военных, полицейских и должностных лиц). Виновные подвергались суду в течение суток после совершения преступления. Разбор дела мог длиться не более двух суток, приговор приводили в исполнение в 24 часа. В речи 13 марта 1907 года перед депутатами II Думы Петр Аркадьевич так обосновывал необходимость действия этого закона: «Государство

может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада...».

Столыпина резко осуждали за жесткие меры. Применение смертной казни напрямую стали связывать с политикой, проводимой Столыпиным. Против этого резко выступил Лев Толстой в статье «Не могу молчать!». В обиход вошли выражения «скорострельная юстиция», «стольпинская реакция», «стольпинский галстук». Закон о военно-полевых судах не был внесен правительством на утверждение в III Думу и автоматически потерял силу 20 апреля 1907 года. Но вследствие принятых мер революционный террор был подавлен, проявляясь лишь единичными актами насилия. Государственный порядок в стране был сохранен.

Главное же дело Столыпина, о котором до сих пор яростно спорят – его реформы в сельском хозяйстве. Экономическое положение русского крестьянства и после 1861 года оставалось тяжелым. Так, сельское население Европейской части России (в 1860-х годах около 50 млн) возросло к 1900 году до 86 млн. И земельные наделы крестьян, составлявшие в 60-х годах в среднем 4,8 десятины на душу мужского населения, сократились до среднего размера 2,8 десятины. К тому же причина крайне низкой производительности крестьянского труда крылась в самой системе сельского хозяйства. Это и устаревшие трехполье, когда треть пахотной земли «гуляла» под паром, и чересполосица, при которой крестьянин обрабатывал узкие полоски земли, находившиеся на расстоянии друг от друга. Земля не принадлежала крестьянину на правах собственности, ею распоряжалась община («мир»), которая распределяла ее по «душам», по «едокам», по «работникам» или каким-либо иным способом (из 138 млн десятин наделных земель около 115 млн были общинными).

И вот 9 ноября 1906 года появился указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Широкий комплекс мер призван был разрушать коллективное землевладение и создавать класс крестьян – полноправных собственников земли. Указ предусматривал, что «каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли».

Кроме мероприятий административно-правового характера, закреплявших такое повышение качества прав собственности крестьян на землю, искоренения устаревших сословных гражданско-правовых ограничений, препятствовавших эффективной хозяйственной деятельности крестьян, правительство предпринимало и другие конкретные шаги для подъема эффективности крестьянского сельского хозяйства. Так, в целях поощрения выделения крестьянам-собственникам участков «к одному месту» (отруба, хутора) государству предстоял большой объем сложных и дорогостоящих землеустроительных работ по разверстанию чересполосных общинных земель. А для поощрения покупки частновладельческих (прежде всего, помещичьих) земель крестьянами вводилось льготное кредитование через Крестьянский поземельный банк. Нарращивание оборотных средств крестьянских хозяйств поощрялось через кредитование во всех формах (банковское кредитование под залог земли, ссуды членам кооперативов и товариществ). Расширялось прямое субсидирование мероприятий так называемой «агрономической помощи» (консультирование, просветительные мероприятия, содержание опытных и образцовых хозяйств, торговля современным оборудованием и удобрениями). Наконец, поддерживались кооперативы и товарищества крестьян.

Сейчас появились публикации чуть ли не о полном провале этих стольпинских реформ. Но приглядимся внимательнее. Ходатайства о закреплении земли в частную собственность были поданы членами более чем 6 млн. домохозяйств из существовавших 13,5 млн. Выделились из общины и получили землю (суммарно 25,2 млн десятин – 21,2% от общего количества наделных земель) в единоличную собственность около 1,5 млн (10,6% от общего числа). Столь значительным изменениям способствовал Крестьянский поземельный банк, выдавший кредитов на сумму в 1 млрд. 40 млн. рублей. И пусть из 3 млн. крестьян, переселившихся на выделенные им правительством в частную собственность земли в Сибири,

18% вернулись обратно. Но 82% остались на новых местах! Сибирь становилась житницей страны – и это во многом сказалось в последующие годы. Помещичьи хозяйства утратили былую хозяйственную значимость. Крестьяне в 1916 году засевали (на собственной и арендуемой земле) 89,3% земель и владели 94% сельскохозяйственных животных. А если бы реформы были доведены до конца и комплексно, как задумывал Петр Аркадьевич, рассчитывавший на максимальный эффект в долгосрочной перспективе?! Не зря же боялся успеха этих реформ В. И. Ленин – тогда раскатать крестьянскую страну на революцию было бы куда трудней, если вообще возможно...

Частью аграрной реформы стало организованное переселение крестьян из европейской перенаселенной части России в Сибирь. Только в Алтайском крае в это время было основано 3415 населенных пунктов, где поселились свыше 600 тысяч переселенцев, составивших 22% жителей округа. Они ввели в оборот 3,4 млн десятин пустующих земель. Скажем правду и о так называемых «столыпинских вагонах». Да, от обычных они отличались: одна их часть во всю ширину вагона предназначалась для крестьянского скота и инвентаря. Лишь при большевиках на них появились решетки и внутри, и на окнах. А тогда важно было помочь крестьянам переселиться не только семью, но и основу хозяйства.

О внешней политике Столыпина, взявшего себе за правило не вмешиваться в иностранные дела, говорят вот такие, например, факты. Когда в 1909 году так называемый Боснийский кризис угрожал перерасти в войну с участием балканских государств, Австро-Венгерской, Германской и Российской империй, премьер-министр высказал царю, что страна к войне не готова, и военного конфликта следует избежать любыми способами. Предостерегал он и от войны с Германией, поскольку в таком случае враги монархического строя примут все меры, чтобы добиться революции.

А тучи над головой Столыпина сгущались все более. Против премьер-министра к тому времени сплотились противоположные силы – левые, которых реформы лишали исторической перспективы, и правые, усмотревшие в тех же реформах покушение на свои привилегии и ревностно относившиеся к быстрому возвышению выходца из провинции.

Покушения на Столыпина планировались тщательнее. Какие-то были вовремя раскрыты, а некоторые сорвались по счастливой случайности. Покушение же Богрова во время визита Столыпина в Киев, свершившееся на спектакле в присутствии царя, стало роковым.

В гибели Петра Аркадьевича много скрытого, необъяснимого. На момент покушения у охраны была информация о том, что в город прибыли террористы с целью совершить нападение на высокопоставленного чиновника, а возможно и на самого царя. Информация была получена... от Дмитрия Богрова. Тем не менее, билет в театр ему был выдан начальником Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко с согласия ответственных сотрудников Охранного отделения П. Г. Курлова и других, при этом к Богрову не было приставлено наблюдение. И казнили террориста подозрительно быстро...

Столыпин через несколько дней умер от полученных ранений. В первых строках вскрытого завещания Столыпина было написано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Указание Столыпина было исполнено: 9 сентября его похоронили в Киево-Печерской лавре.

Споры о деятельности Столыпина продолжают до сих пор. Одни выделяют в ней только негативные моменты, другие считают его гениальным политическим деятелем, который мог бы спасти Россию от грядущих войн, поражений и революций. Сторонники и противники зачастую оперируют одними и теми же документальными источниками, данными статистики, выраженными в различном контексте. В советское время о Столыпине отзывались резко отрицательно. Ленин посвятил ему разгромную статью «Столыпин и революция» (октябрь 1911), назвав его «главой контрреволюции». В постсоветский период личность Столыпина также подвергается критике. В основном она основана на воспоминаниях Витте, полемике

Столыпина с Толстым и работах советских историков. Среди ошибок Столыпина, в частности, выделяют нежелание проводить политические реформы. Столыпин же считал, что сначала необходимо обеспечить экономические условия, а потом уже осуществлять политические свободы.

Впрочем, еще при жизни Петр Аркадьевич обрел не только яростных критиков, но и преданных сторонников. Его всячески поддерживали русский философ-марксист П. Б. Струве, литературный критик и публицист В. В. Розанов, философ и правовед И. А. Ильин, многие политики.

Ильин и после смерти Столыпина считал, что «государственное дело Столыпина не умерло, оно живо, и ему предстоит возродиться в России и возродить Россию». Столыпин стал одним из центральных персонажей в эпопее А. И. Солженицына «Красное колесо». Естественно, без Столыпина не обходятся исторические романы, посвященные царствованию последнего российского императора. А в последние годы Петр Аркадьевич занял центральное место в кино- и телефильмах. Так, в фильме «Столыпин... Невыученные уроки» (2006) его роль исполнил саратовский актер Олег Клишин. В следующем году режиссер Н. Смирнов снял документальный фильм «Преддверие Первой мировой войны. Столыпин». В 12-серийном художественном телефильме С. Газарова и А. Малюкова «Империя под ударом» одним из сюжетов стало покушение на Столыпина, совершенное на Аптекарском острове. В другом телесериале «Грехи отцов» отражено убийство Столыпина в Киеве.

Со Столыпиным боролись не только при его жизни... Уже 7 сентября 1911 года некоторые депутаты Государственной думы и члены местного земства предложили установить Столыпину памятник в Киеве за счет пожертвований. И буквально через три дня в одном только Киеве была собрана сумма, достаточная для создания памятника. Через год после смерти Столыпина, 6 сентября 1912 года в торжественной обстановке памятник был открыт на площади возле Городской думы. Противники взяли реванш: уже 16 (29) марта 1917 года, через две недели после Февральской революции, памятник был снесен. Тогда же был уничтожен и памятник П. А. Столыпину в Симбирске, открытый 1 сентября 1913 года.

Но уничтожением памятников – не убить память. И вот в наши дни в 2002 году памятник Столыпину установлен в Саратове, в 2010 – в Славгороде. С 2003 года вручается Национальная премия имени Столыпина «Аграрная элита России». Факультет государственного и муниципального управления Государственного университета – высшей школы экономики с 2005 года ежегодно присуждает стипендию имени Столыпина студентам 2-го курса.

26 мая 2008 года Правительство Российской Федерации учредило медаль Столыпина П. А. двух степеней (медаль вручается в качестве поощрения за заслуги в решении стратегических задач социально-экономического развития страны, в том числе реализации долгосрочных проектов Правительства Российской Федерации в области промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, науки, образования, здравоохранения, культуры и в других областях деятельности). 26 октября 2010 года распоряжением российского правительства во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 10 мая 2010 г. № 565 «О праздновании 150-летия со дня рождения П. А. Столыпина» был создан Оргкомитет по подготовке и проведению празднования под председательством премьер-министра В. В. Путина.

По итогам предпринятого телеканалом «Россия» в 2008 году всероссийского опроса «Имя Россия» Столыпин занял второе место (вслед за Александром Невским). 18 апреля 2011 года Мосгордума приняла решение установить памятник Столыпину в Москве у здания Дома правительства России, и 13 июля был заложен камень в его основание. Памятник предполагается соорудить, по аналогии с открытым в 1912 году в Киеве, на частные пожертвования без привлечения денег из государственного бюджета.

Шевчук И.

Столыпины и Севастополь²

Столыпины – русский дворянский род, восходящий к началу XVI столетия. Герб его внесён в часть 10 Общего гербовника дворянских родов Российской империи: «В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней – голубое, изображён одноглавый серебряный орёл, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой – серебряную подкову с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: «Deo spes'mea» («Бог – надежда наша» (лат.).

Среди предков великого реформатора были люди всё больше служилые – те, что в течение веков яркой и драматичной отечественной истории строили государство и воевали за его интересы. Столыпины в XVIII–XIX веках – офицеры, помещики, чиновники, общественные и государственные деятели – ярко проявили себя в ратных делах, в общественной жизни, науках, литературе и музыке. Некоторые фигуры особенно примечательны, олицетворяя собой трагичные изломы русского прошлого.

Более подробно остановимся на тех, чьи судьбы были связаны с Севастополем, а также на столыпинской программе поддержки российского флота, с которым напрямую связана и судьба нашего города.

Первый в этом ряду – Николай Алексеевич Столыпин (1781–1830), брат Дмитрия Алексеевича Столыпина, деда Петра Аркадьевича, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812. «Настоящий генерал», «образец военного ума, твердости и самого здорового рассудка». По словам Михаила Сперанского, он получил известность как теоретик военного дела и эрудит. К тому же был военным губернатором Севастополя. Однако судьба его сложилась трагически. В 1828 году власти издали указ о карантине в связи с эпидемией чумы, распространившейся в Причерноморье. Севастополь был окружён цепью солдат, что ограничило возможность заниматься морскими промыслами и воеводством. Положение в городе значительно ухудшилось летом 1829-го, после введения более строгих карантинных мер. Прекратившийся из деревни подвоз продовольствия вызвал страшный голод... Чиновники и купцы-подрядчики беззастенчиво наживались на поставках муки и других продуктов. Жителей слобод, у которых якобы обнаружили симптомы болезни (хотя в городе не было известно ни одного случая заболевания чумой), силой сгоняли в особые карантинные бараки. Ответом улицы стали бунт и погромы. Восставшие ворвались в дом губернатора, нашли Николая Столыпина, вывели на улицу, где и забили дубинами и камнями. Четыре дня Севастополь был в руках повстанцев, поддержанных моряками. Предводители бунта – Иванов, Пискарев, Шкуропелов и другие – были приговорены к смерти. Большое число повстанцев сослали на каторгу, а жителей Корабельной и Артиллерийской слобод выслали в Архангельск. Известный писатель Всеволод Крестовский дал такую характеристику Николая Алексеевича: *«Это был человек очень умный, бескорыстный, большой стоятель за полк, и за честь мундира, барин по происхождению, солдат по жизни и настоящий джентльмен по характеру и убеждениям».*

Отец реформатора Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899) также был боевым генералом, впоследствии генерал-адъютантом императора. Его интересы не замыкались на военном деле. Разносторонний и высококультурный человек, он сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой. В Крымскую войну капитан Столыпин, командуя артиллерийскими батареями, находился постоянно на переднем крае сражений как на Дунае, так и во время легендарной обороны Севастополя. За храбрость, мужество и самоотверженность при отражении первого штурма Севастополя в ночь с 10 на 11 марта 1855 года Аркадий Дмитриевич в 33 года получил золотую саблю с надписью «За храбрость», орден

² Шевчук И. Столыпины и Севастополь // Родина. 2012. № 4. С. 51–53.

св. Анны 2-й степени с мечами и официальное монаршее благоволение. А в ноябре 1855-го он был произведён в чин полковника. В Севастополе Аркадий Столыпин встретился со Львом Толстым. Офицеры подружились, и эта дружба сохранилась на всю жизнь. В журнале «Современник» с подачи Толстого был напечатан рассказ Аркадия Дмитриевича о ночной вылазке в лагерь неприятеля.

Вторым браком Аркадий Дмитриевич был женат на княжне Наталье Михайловне Горчаковой – матери будущего премьер-министра, принадлежавшей к славному и древнему роду, восходящему к легендарному князю Михаилу Черниговскому, замученному в Орде в 1246 году.

Двоюродные братья Аркадия, Алексей и Дмитрий, также участвовали в обороне Севастополя. Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) – двоюродный дядя Михаила Юрьевича Лермонтова, хоть и на два года младше, однополчанин и секундант поэта, который изобразил своего друга в поэме «Монго»: таково было прозвище Алексея Столыпина в дружеском кругу. Проявив большую храбрость под Севастополем, он вскоре умер, оставив после себя память о дерзком фрондёрстве по адресу самого императора. По свидетельствам современников, этот отпрыск рода Столыпиных считался самым красивым человеком России.

Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818–1893) был писателем-аграрником, последователем Огюста Конта. Он считал, что военная служба имеет смысл лишь тогда, когда отечество оказывается в опасности со стороны внешних врагов, в мирное же время она бессмысленна. Ряд конфликтов с начальством ускорил его отставку. С началом Крымской войны он вернулся на службу, участвовал в обороне Севастополя. В августе 1855 года в сражении на Чёрной речке был контужен, когда выносил из-под огня тело убитого генерала П. В. Веймарна. После войны Дмитрий Аркадьевич вновь вышел в отставку и надолго уехал за границу, где увлёкся позитивистской философией Конта. Общинному землевладению дядя будущего реформатора противопоставлял систему хуторского хозяйства на арендованных у помещиков землях. Свои взгляды по этим проблемам он изложил в обширной статье «Арендные хутора», напечатанной в журнале «Русский вестник» в 1892 году. Умер Дмитрий Аркадьевич бездетным в декабре 1893 года.

Величественное родовое древо Столыпиных, своими корнями уходящее вглубь русской истории, было опорной и созидательной частью её. Как писал в 1873 году Всеволод Крестовский, *«были Столыпины в ополчении Минина и Пожарского, среди чудо-богатырей Суворова, на Бородинском поле, среди защитников Крыма и Болгарии от турок. Государево жалованье и поместья – были наградой за верную службу России, которая росла и ширилась на славу народу, на зависть и страх соседям, вражескими станами со всех сторон окружавшими и теснившими Русскую Землю»*. Очевидно, страсть к реформаторству, к преобразованиям была наследственной в роде Столыпиных, как наследственным было и большое личное мужество.

Личность Петра Аркадьевича Столыпина была поистине уникальной, а интересы его – многогранными. Большое место в деятельности премьер-министра занимали задачи обороны государства, в частности восстановления отечественного военно-морского могущества. После поражения России в войне с Японией в русском обществе, в печати и в среде морского офицерства началась дискуссия о дальнейшей судьбе военно-морского флота, в которой подчёркивалась необходимость коренных реформ Морского министерства.

Александр Васильевич Колчак так сформулировал основную идею реформаторов флота: *«России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность её морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы... Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нём»*.

Эту точку зрения разделял и Столыпин. Понимая, что вопрос о новом флоте крайне важен для государства, но в то же время, осознавая свою недостаточную осведомлённость и опытность в морских делах, Пётр Аркадьевич приложил все усилия, чтобы исправить этот пробел в своём образовании. Он прослушал ряд лекций военно-морских специалистов по кораблестроению, по тактическим и стратегическим вопросам управления флотом. Ему доставлялись все вновь издававшиеся книги и многие газетные статьи о флоте.

В дальнейшем премьер последовательно отстаивал интересы флота перед членами Государственной думы, многие из которых придерживались противоположных взглядов. В апреле 1907 года Морской генеральный штаб представил царю четыре варианта новой судостроительной программы. Утверждённый Николаем II вариант получил название малой судостроительной программы.

24 мая 1908 года на заседании Государственной думы Пётр Аркадьевич произнес блестящую речь «О морской обороне», в которой тезисно изложил свои взгляды на будущее российского флота.

Добившись финансирования малой судостроительной программы, Пётр Аркадьевич принял активное участие в создании усиленной программы судостроения. Это было весьма актуально. В 1910 году Россия столкнулась с усилением угроз на Чёрном море. Османская империя стремилась поставить под сомнение господство России в Черноморском бассейне. Для исправления ситуации нужно было принимать срочные меры, и инициатором их выступил Пётр Аркадьевич. В июле 1910 года Столыпин обратился к военному и морскому министрам со специальным письмом, в котором требовал «безотлагательно приступить... к мероприятиям, могущим уравновесить наше военное положение на Чёрном море с предстоящим увеличением турецкого флота». Итогом стала разработка Морским министерством программы усиления Черноморского флота... В мае 1911 года программа была одобрена Думой и утверждена Николаем II. Именно ходу реализации этой программы было посвящено одно из последних заседаний Совета министров под председательством Столыпина, состоявшееся 4 августа 1911 года.

Итак, боеспособность русского военно-морского флота, проявившаяся в ходе Первой мировой войны, особенно на Чёрном море, была достигнута не в последнюю очередь благодаря усилиям Петра Аркадьевича Столыпина.

Кабытов П.

Помещик села Чулпановки:

Столыпин в своих имениях³

Деятельность Столыпина как помещика недостаточно полно освещена в исторической литературе. Пожалуй, приятное исключение составляет книга П. Н. Зырянова, в которой дана краткая характеристика хозяйственной деятельности Петра Аркадьевича. Между тем столыпинский опыт управления собственными имениями представляет интерес. Опираясь на эпистолярное наследие. Воспоминания дочери Столыпина Марии Бок, а также на книгу «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гродненская губерния», мы попытаемся дать более полную характеристику управления Столыпиным своими поместьями.

Безусловно, Столыпин-помещик отличался от многих владельцев имений: это был образованный, высокоэрудированный хозяин земли, хорошо разбиравшийся в сложных проблемах не только собственного хозяйства, но и всего земледельческого производства России. Здесь: в полной мере сказались университетское образование, знание трудов неких экономистов-аграрников, глубокое проникновение в хозяйственную жизнь русской деревни, анализ состояния дел в сельском хозяйстве Пруссии. Все это помогало Столыпину видеть проблему в целом, находить оптимальные решения хозяйственных вопросов, встававших ежедневно перед каждым владельцем экономии.

Большое значение придавал Столыпин и обретению собственного опыта владения имениями: перенимал методы хозяйствования у соседей-помещиков, прислушивался к советам своего управляющего имением Колноберже Оттона Германовича Штраухмана. Пик хозяйственной деятельности будущего премьера приходится на ковенский период жизни, когда он в полной мере реализовал свои способности рачительного помещика. Столыпина жили в Ковно больше двенадцати лет. Обычно зимние месяцы семья проводила в городе, а остальные семь месяцев – в имении Колноберже, ставшем родным гнездом для всех его обитателей. Столыпин не входил число крупнейших латифундистов России, владея несколькими имениями общей площадью в 7450 десятин земли. Как правило, эти владения были получены Петром Аркадьевичем и Ольгой Борисовной Столыпинными по наследству от родителей. Исключение составляла усадьба Стуки, которую Столыпин приобрел в Ковенском уезде в 1904 году...

Имение Колноберже находилось в Ковенском уезде вблизи железнодорожной станции Кейданы (ныне – Кедайняй в Литве), что существенно облегчало сбыт продукции и повышало рентабельность экономии. Около Колноберже располагались земли фольварков Петровский и Ольгино, а также имение на границе с Пруссией. Размер этих владений составлял 835 десятин земли. Ранее эти имения принадлежали отцу Столыпина. Именно в них использовались капиталистические формы хозяйствования, и они давали наибольшую прибыль.

Перед Петром Аркадьевичем как владельцем имений, находившихся в разных климатических поясах и разных по уровню развития районах России – в Ковенской, Московской, Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях, встала важная задача – найти эффективные методы управления владениями с учётом почвенно-климатических особенностей и специфики эволюции крестьянских и помещичьих хозяйств. Попутно ему предстояло добиваться повышения доходности имений, а в случае их нерентабельности вовремя их ликвидировать. На доходность имений влиял и такой фактор, как необходимость платить проценты за залог земли Столыпин получил в наследство обременённые владения: часть имений прежними владельцами была заложена в Государственном Дворянском банке. И

³ Кабытов П. Помещик села Чулпановки : Столыпин в своих имениях // Родина. 2012. № 4. С. 35–38.

когда во время летучей инспекции в имении Акшино в 1899 году мордва предложила выкупить у Столыпина имение при селе Еникеевка, Столыпин установил максимальную цену за землю – 50 тысяч рублей, мотивировав это тем, что «это дало бы нам возможность выкупить все наши имения из банка».

Зачастую низкая доходность имений, их обременённость побуждали Столыпина ликвидировать имения. В июне 1902-го он продал имение при селе Балтат крестьянам, решившим создать на купленных землях хутора. Правда, мотивировал Столыпин продажу имения желанием «никогда уже не ездить в эту даль». Зырянов отмечает, что имение было продано в 1901–1902 годах за 112,5 тысячи рублей. Изучение личного архива Столыпина позволило установить точную дату продажи имения.

Из-за низкой доходности и из-за того, что имение Крюково в Московском уезде находилось без постоянного присмотра и контроля, 24 июня 1902 года Столыпин продал его за 30 тысяч рублей жителям Москвы С. П. Фармаковскому и М. Д. Сокольниковскому. А в 1907 году Столыпина при содействии Крестьянского поземельного банка продали отдельный участок – «Ерыклинские отрезки» (в 230 десятин 730 саженой земли) Барско-Чулпановскому товариществу.

В силу того что Пётр Аркадьевич исполнял обязанности уездного, а затем губернского предводителя дворянства, а также по причине значительной удалённости других имений он управлял поместьями по старой, испытанной схеме: всё внимание сосредоточил на землях в Ковенской губернии, а в другие имения нанял управляющих или сдавал землю в аренду местным крестьянам. Но это не означало, что имения оставались без надзора хозяина, хотя бы «летучего» характера. Из-за своей занятости Пётр Аркадьевич мог отправляться в «инспекционные командировки» лишь во время отпуска – летом или осенью. Но Столыпину очень многое давали эти поездки. Он увидел воочию, что Россия богата и народами её населяющими, и различными формами земледельческих хозяйств, смог определить те из них, которые ускоряли модернизационные процессы в стране. Так, во время поездок в имение на границе с Пруссией он, по свидетельству Марии Бок, восхищался устройством немецких хуторов и с интересом изучал всё то, что «считал возможным привить у нас». Так же высоко оценивал жизнь колонистов Сарепты. *«Мне жаль, – писал он жене во время командировки в Царицынский уезд, – что я не могу Тебе и детям показать Сарепту. Это уголок старинной Вестфалии, целиком перенесённый в наши степи. Деревушка из каменных домиков вся мощённая, с водопроводами, вся в садах, в виноградниках. Волостной старшина, писарь, волостные судьи европейски образованы. Порядок – не к чему придраться. Вместе с тем корректность полная, всё по-русски».*

В нашем распоряжении имеются письма Столыпина к жене. В них детально описывается его поездка в августе 1899 года, в ходе которой он вместе с братом жены, Алексеем Борисовичем Нейдгардтом, прибыл в родовое имение Нейдгардтов, половина которого принадлежала Ольге Борисовне, а вторая половина – Анне Борисовне: они получили свои доли наследства после смерти отца в 1899 году. Столыпин должен был вступить в наследование имением, установить границы имения жены, разделить между сестрами доходы и движимое имущество и найти место для строительства хозяйственных построек на вновь создаваемом хуторе. Как видно, круг хозяйственных забот Столыпина был обширен.

По мнению Петра Аркадьевича, доходность имения жены могла возрасти вдвое, но лишь в случае строительства железной дороги и определённых затрат. «Мой план – увеличить луга, а именно, где лес растёт по болотам, там его вырубить и расчистить место под луг. Болотный лес всегда дрянной, а на мокром месте луг может быть хорош». И здесь Столыпин предстаёт перед нами как рачительный хозяин: «... лес даёт с десятины в год меньше 75 коп. в общем, а луга по 5 рублей с десятины. Расчёт простой. Кроме того, Алёша (Нейдгардт.) советует брать лыко в лесу и я думаю, что это тоже даст хороший доход». Встречался Столыпин и с крестьянами

сёл Чулпановка и Куклино. Крестьяне-старики просили продать им отрезки, но продавать землю он отказался и угостил их водкой.

Об особенностях экономического строя своих имений Столыпин говорил на заседании Гродненского губернского комитета о нуждах к сельскохозяйственной промышленности: *«У меня есть имения в Ковенской, Казанской, Пензенской губерниях, и хозяйство я веду сам. В Ковенской губернии на 500 десятин запашки я вынужден содержать специально для обработки земли 19 годовых батраков, а всех рабочих и служащих в имении 80. В Казанской губернии годовых служащих и батраков при 1000 десятинах пахоты я содержу 4, а в Пензенской 3, хотя пахотного поля в этом имении 600 десятин, из коих до половины обрабатывается экономическим способом. Объясняется это тем, что во внутренних губерниях есть всегда возможность нанять летних, так называемых, сроковых рабочих...»* В случае с Колноберже перед нами – типичное образцовое капиталистическое хозяйство. Петру Аркадьевичу удалось его создать, несмотря на каменистые малопродуктивные земли и большое количество осадков. Здесь земледельческое производство органично сочеталось с животноводством, успешно был внедрён многопольный севооборот. Так, в одном из имений – «Ольгино» – Столыпин 33 десятины земли отводил под яровые, 71 десятина засеивалась овсом, 677 – находилось под клевером, 30 – под паром. Часть земли сдавалась крестьянам в аренду. Как видим, перед нами типичное капиталистическое хозяйство.

О стремлении Петра Аркадьевича к новациям свидетельствует и тот факт, что в 1898 году по его инициативе в имении «Петровском» был разбит сад. Все работы по обустройству сада завершились в 1901 году. Затем фольварк «Петровский» был сдан в аренду «еврею Калману». В то же время П. Н. Зырянов указывает, что Столыпин сдавал в аренду землю в Петровском крестьянам.

В роли помещика Столыпин предстаёт перед нами как деятельный хозяйственник, способный учитывать все факторы, влиявшие на развитие его имений. Колноберже в полной мере приобрел капиталистические способы хозяйствования, то в остальных экономиях имели место капиталистическая и отработочные системы. Характерно, что в Колноберже Пётр Аркадьевич успешно использовал многопольную систему земледелия. В казанской и Пензенской губерниях применялось традиционное трёхполье. Обработка пашни велась железными плуга при посеве применялась конная сеялка, на уборке урожая – конная молотил. Как в Колноберже, так и в Чулпане было налажено многоотраслевое хозяйство... Но в целом экономический строй имений Столыпина развивался на экстенсивной основе. Заметно было и стремление получить высокий чистый доход без финансовых вложений в земледельческое производство.

Голиков А., Рыбачёнок И.

Путь «канатоходца»⁴

Герой рассказа Марка Твена «Кредитный билет в миллион фунтов стерлингов» Генри Адамс утверждал, что сделался знаменитостью после того, как юмористический журнал «Punch» напечатал на него карикатуру. Сам того не подозревая, Адамс отметил одну из главных черт сатирической графики – злободневность. И хотя Россия – не Англия, эта черта в полной мере присуща и русской карикатуре. Являясь своеобразным «зеркалом», отражающим реалии своего времени, «рисунок в газетах», не что иное, как инструмент, выражающий карандашом то, что журналисты при помощи политических тирад выражают пером, т. е. мнения, интересы и слишком часто, увы партийные страсти.

В июле-сентябре 1906 года издававшийся в Петербурге журнал «Шут» поместил серию карикатур художника М. Т. Михайлова, посвященных новому председателю Совета министров Петру Аркадьевичу Столыпину. Основной принцип карикатуры – сознательное акцентирование какой-либо детали – здесь отчётливо проявился. Столыпина, чьи фотографии в то время часто печатали газеты и журналы, художник рисовал с усами, характерно загнутыми кверху колечком. И даже если портретное сходство было неочевидным, о ком идёт речь, понимали все.

Извлечь тот познавательный потенциал, который содержит карикатура, позволяет знание исторического контекста и понимание специфики сатирической графики. Как публицистическое произведение она на языке зрительных образов предлагает определённое толкование и оценку событий, обращаясь при этом прежде всего к их эмоциональному восприятию.

Примечательно, что первая карикатура на Столыпина появилась уже в конце июля 1906 года в журнале «Шут», а назначен председателем Совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел он был 8 июля, в день роспуска I Государственной Думы. На карикатуре «Кабинет» художник представил императорское правительство (названное им на заграничный манер – кабинет) в виде карточного домика. Невидимая рука раскладывает политический пасьянс, но строительство ещё не завершено. Какая карта ляжет сверху? Автор рисунка знает ответ: только одну карту он поместил анфас. Прямо на зрителя смотрит король пик: явное портретное сходство со Столыпиным очевидно. Детали рисунка – частокол, каким огораживали остроги в Сибири, масть и значение карты – сообщали дополнительную информацию, которая позволяла читателям понять, что, конечно же, имеется в виду министр внутренних дел.

Как известно, в России министров назначал царь, и это его рука тасует колоду. Но кто подсказал ему кандидатуру Столыпина? На этот счёт историки высказывают разные суждения. Впервые о выдвижении саратовского губернатора – Столыпина – на пост министра внутренних дел заговорили в октябре 1905 года. Имя назвал обер-прокурор Синода А. Д. Оболенский, его родственник. Но тогда кандидатуру Столыпина отклонил С. Ю. Витте. Назначение состоялось только в апреле 1906 года при преемнике Витте И. Л. Горемыкине, по-видимому, не без участия дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, который имел в то время огромное влияние на Николая П. По версии П. Н. Зырянова, «замена, непосредственно перед созывом Думы, либерального премьера Витте на реакционного Горемыкина была вызовом общественному мнению. И чтобы вместе с тем его озадачить, решено было заменить прямолинейного карателя Дурново на более либерального министра. Выбор пал на Столыпина... Роспуск Думы был новым вызовом общественному мнению. Чтобы ещё раз сбить его с толку, потребовалась замена крайне непопулярного Горемыкина на какую-нибудь не столь одиозную фигуру». Так Столыпин стал председателем Совета министров.

⁴ Голиков А. Путь «канатоходца» // Родина. 2012. № 4. С. 99–102.

Заняв этот пост, Пётр Аркадьевич затребовал ото всех ведомств проекты реформ, давно заготовленные, но годами лежавшие без движения.<...> Это сразу нашло отражение в сатирической графике. Уже в августе «Шут» обратил внимание на то, что новый глава правительства намерен действовать старыми методами. На обложке журнала – как главный материал номера – появилась карикатура, на которой Столыпин предстал в образе доблестного пожарного. С изрядной долей сарказма художник изобразил премьера, готового справиться с революцией... «самыми лучшими настоящими канцелярскими чернилами», влив их предварительно во временные» – принятые в обход Государственной думы – законы.<...>

19 августа 1906 года в чрезвычайном порядке, по 87-й статье, был принят указ о военно-полевых судах. В их компетенцию входили дела, когда совершение «преступного деяния» является «настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Эти суды рассматривали и дела гражданских лиц, обвиняемых в распространении среди солдат «противоправительственных учений и суждений». Судопроизводство должно было завершаться за 48 часов, а приговор, утверждённый командующим военным округом, приводился в исполнение в течение 24-х часов. Широкомасштабное исполнение этого закона началось практически сразу после его опубликования. Пресса откликнулась немедленно: на обложку последнего августовского номера «Шут» вынес рисунок Михайлова, на котором видно, как Столыпин норовит набросить на шею мчащегося скакуна – «Революции» – аркан с надписью «Новые реформы».<...>

Со времени губернаторства в Саратове Столыпин, непосредственно не участвовавший в карательных экспедициях, которыми руководили командированные из Петербурга генерал-адъютанты, прослыл либералом. Эту репутацию он сохранял и в начале своей деятельности на посту министра внутренних дел. После его встречи с лидером кадетов П. Н. Милюковым в либеральных кругах создалось впечатление, что Пётр Аркадьевич благосклонно относится к вхождению в правительство общественных деятелей – при условии сохранения за ним министерского портфеля. Но после роспуска Думы и «Выборгского воззвания» отношения с кадетами были испорчены. Премьер пытался опереться на либералов правее кадет, вступив в переговоры с земскими деятелями Д. Н. Шиповым и Г. Е. Львовым, будущим председателем Временного правительства. Последние выдвинули ряд условий, которые были отвергнуты царём. Неудачей окончились и инициированные Столыпиным переговоры с А. И. Гучковым и Н. Н. Львовым. Николай II, принявший их 20 июля, решил, что оба кандидата «не годятся в министры». Встречаясь с либералами, Пётр Аркадьевич одновременно деятелями о вхождении их в правительство, изменение избирательного закона.

Эти метания между возможными союзниками власти нашли своеобразное отражение под карандашом Михайлова. Его рисунок «Шут» опубликовал в сентябрьском номере 1906 года. Зритель видит, как председатель Совета министров пытается пройти над пропастью по высоко натянутому канату между «Революцией» и «Анархией», удерживая равновесие при помощи шеста-балансира с надписью «Либерализм». Зрителю понятно, что «либерализм» Столыпина – только тактический ход, ведь премьер одет в трико циркового артиста... И после завершения опасного трюка балансир за ненадобностью будет отброшен.<...>

В Российской империи цензурные правила запрещали публиковать карикатуры на царя, допускать «оскорбительные насмешки» над сословиями или должностями государственной и общественной службы, указывать в печати имена чиновников и названия учреждений... Но во время революции контроль цензуры ослабевал, а критика власти и должностных лиц становилась допустимой в легальной печати. Однако спад и подавление революции снова сделали невозможным высмеивание в сатирической графике власть предержащих. Постепенно карикатуры на Столыпина сошли на нет. И, разумеется, не сатирической графике он обязан тем, что его имя запечатлено на скрижалях отечественной истории.

II. В воспоминаниях современников

Репников А.

Бесстрашие: Пётр Столыпин глазами Василия Шульгина⁵

Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) читателям подробно представлять не нужно – политический деятель, писатель, публицист, один из лидеров Всероссийского национального союза (ВНС), депутат 11-ГУ Государственных дум; человек, принимавший отречение у Николая II, стоявший у истоков Белого движения, яркий публицист Русского зарубежья, заключённый Владимирского централа, гость XXII съезда КПСС. Человек, проживший 98 насыщенных событиями лет. Характерно, что у Василия Витальевича, который сам был для многих примером для подражания, тоже были свои кумиры. Это были его отчим, профессор политэкономии Киевского университета Дмитрий Иванович Пихно (1853–1913), взгляды которого оказали серьёзное влияние на формирование Шульгина как русского националиста, и Пётр Аркадьевич Столыпин, которого он уважал до конца жизни

«...Думал, приказывал, говорил»

Это не было слепым поклонением перед сильной личностью. Шульгин ценил в премьерe не только волю, но также интеллект «государственный ум, увидев в нём «самого – магически-великолепного, всероссийского реформатора». В отличие от большинства правых, он не поддерживал обвинений против Витте и не противопоставлял его Столыпину, что, помимо прочего, было обусловлено дружескими отношениями Витте и Пихно. Шульгин полагал, что «то, что не посчастливилось сделать Витте, удалось П. А. Столыпину законом 9 ноября 1906 года. В этом, как «не кажется, и была истинная причина лютой ненависти Витте к Столыпину».

В статье «Диогенов фонарь», посвященной Петру Аркадьевичу, Шульгин вспоминал, что первые услышал его речь 6 марта 1907 года. К этому времени 2 марта уже произошёл обвал потолка в зале заседаний, который многие восприняли как некое дурное предзнаменование. В премьерe, выступающем перед оппозиционно настроенными депутатами, Василия Витальевича поразила «необычайная чуткость этого человека, та чуткость, которая так редко даётся, но без которой немислимы политические люди, чуткость к толпе, к массам, понимание и умение владеть ими сказались уже и в этот день... Ни малейшая складка презрения, которое дрожало в его сердце, пережившем Аптекарский остров, не затронула его губ. Спокойный, благожелательный, он с большим достоинством и серьёзностью излагал план реформ». Отвечая на критику оппозиции, Столыпин проявил волю: *«Он говорил недолго, несколько слов холодных, но прозрачных, как лед слов, которыми он безжалостно сорвал живую кожу ненужных, лишних и затуманивающих фраз с того одного, что было важно в ту минуту, важно потому, что это одно была правда. Это одно правдивое и страшное – была смерть. Четырёхсотголовый зверь разными словами, в разных формах, разными способами грозил ему смертью. И не только ему, он грозил смертью всему тому, что защищать и чему служить присягнул министр своему государю. Они осмелились грозить Ему... И после холодных и прозрачных, как льдина, слов, резюмировавших весь смысл их диких речей, сверкнуло вдруг, неожиданно и ослепительно, раскалённое железо: – Не запугаете!!!»* После этого Россия *«могла потушить свой Диогенов фонарь: она нашла человека».*

Шульгин признавал, что он *«со страстью, свойственной молодости... отстаивал с кафедры Государственной думы его (Столыпина) программу, потому что считал предначертанный им путь действий единственно правильным для спасения России и её дальнейшего эволюционного развития. Несомненно, Столыпин был наиболее выдающимся*

⁵ Репников А. Бесстрашие : Пётр Столыпин глазами Василия Шульгина // Родина. 2012. № 4. С. 29–31.

государственным деятелем Российской империи в последний её период. Это признавали и враги его... я сблизился с Петром Аркадьевичем и кроме уважения стал питать к нему более тёплые чувства».

Шульгин писал, как во время своей депутатской деятельности во 2-й Государственной думе встречался с премьером весной 1907 года. Поводом послужило стремление правых – А. С. Вязигина, В. М. Пуришкевича и других – к роспуску Думы. *«Перед Столыпиным мы поставили вопрос о необходимости немедленного роспуска 2-й Государственной Думы. Доказывая необходимость этого мероприятия, мы говорили Столыпину, что Дума является трибуной для революционной пропаганды, которую проводили социал-демократические элементы. На наше предложение Столыпин реагировал короткой фразой: «Необходимо, чтобы прошло некоторое время, пока Дума догниёт на корню, тогда наступит удобный момент для её роспуска».*

Политический и ораторский стиль поведения Столыпина и стиль Шульгина имели общие черты, и как наблюдательный человек Василий Витальевич заметил это: *«В Столыпине совмещались все три качества: думал, приказывал, говорил».* Он одобрил меры премьера, направленные на подавление революционного движения. 12 марта 1907 года Шульгин провозглашал в Думе: *«Не будем лицемерить... полевые суды есть средство борьбы; это есть орудие борьбы, которое во все эпохи... выдвигалось в тех обстоятельствах, когда обыкновенное правосудие оказывалось бессильно. Эти обстоятельства наступают в обстановке войны, но и особенно рельефно в так называемые революционные эпохи. Главная сила этого орудия состоит в том, что наказание следует непосредственно за преступлением. Сегодня бросил бомбу, а завтра повесили для того, чтобы те, которые имели в виду бросить бомбу послезавтра, призадумались над этим...»*

По мнению Шульгина, *«Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушителен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства... Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России. Это очень подходило к человеку, который если не «сел на царский трон», то при известных обстоятельствах был бы достоин его занять. Словом, в его манере и облике сквозил всероссийский диктатор. Однако диктатор такой породы, которому не свойственны были грубые выпады».* Столыпин казнил революционеров, но *«ни к одному из них он не чувствовал злобы, личной злобы... Тут такая же разница, как между ножом врача и кинжалом. Оба режут, но кинжал убивает, а скальпель – целит... Иной правитель казнит, содрогаясь от скорби: этот может быть святым. Другой казнит, смакуя, бахвалясь, – он гнусный убийца... Первый включает свою страну в круг Добра, и тайные добрые силы всего мира помогают ему, второй ввергает её в смерч Зла, и силы ада рано или поздно погубят правителя и управляемых».* Василию Витальевичу импонировало и то, что Столыпин *«выдвинул как программу действий правительства борьбу с насилием революционным, с одной стороны, и борьбу с косностью – с другой. Отпор революции, покровительство эволюции – таков был его лозунг».* Но *«эволюции не хотели ни слева, ни справа. Дубровин был противник Столыпина справа. Левые ответили на эволюцию бомбами...»*

«Сезам, который отпирает все запоры»

Ещё не ведая, какая историческая перспектива предначертана европейским праворадикальным диктатурам, Шульгин назвал Столыпина *«предтечей Муссолини»;* но несравненно ближе к реальности он был тогда, когда полагал, что он *«по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, «пушкинской», складки; по дарованиям и темпераменту – природный «верховный главнокомандующий», хотя он и не носил генеральских погон. Столыпин, как мощный волнорез, двуединой системой казней и либеральных реформ разделил мятущуюся стихию на два потока. Правда, за Столыпина стало меньшинство интеллигенции, но уже с этой поддержкой, а главное, черпая свои силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию».* Шульгин

полагал, что при отсутствии у монарха силы воли, рядом с ним должен быть вождь. *«Для русских наивыгоднейшая форма общежития есть Вождичество... Это ничуть не задевает вопроса о народном представительстве, парламентаризме и прочих «формах». Всё сие есть именно форма, а не существо правления».* Здесь, правда, Василий Витальевич лукавит, поскольку роль Петра Аркадьевича в роспуске Думы и «третьиюньском перевороте» была ему хорошо известна. У Столыпина *«была двуединая система: в одной руке – пулемёт, в другой – плуг. Залпами он отпугивал осмелевших коршунов: но мерами органического характера он стремился настолько усилить русское национальное тело, чтобы оно своей слабостью не вводило во искушение шакалов. Эта психология должна была проникать и в его отношение к еврейскому вопросу. Он не мог не считать «ограничения» евреев временными и развращающими русское население. Последнее привыкло жить в оранжерейной атмосфере, в то время как евреи воспитывались в суровой школе жизни. Кроме того, эти ограничения отнюдь не защищали русское население в самой важной области – там где формируются текущие идеи, дух времени... перед Столыпиным и в еврейском вопросе стояла задача: органическими мерами укрепить русское национальное тело насколько, чтобы можно было постепенно приступить к снятию ограничений. Если таковы были действительно намерения Столыпина, то вместе с тем он не мог, конечно, не понимать, его враги справа, если он «вступит на путь»(а врагов у него было достаточно не сколько в «хижинах», а сколько – во «дворцах».*

Если бы Столыпин дожил до Первой мировой, полагал Шульгин, то «во главе правительства, вместо малозначащих людей, стоял бы человек масштаба Клемансо и Ллойд-Джорджа. И, разумеется, первое бы этот большой человек, – он осуществил бы идею «внутреннего парламентского мир», с оппозицией. Характерно, что Шульгин не верил в то, что Николай II сможет вывести Россию из кризиса и привести к победе в войне. Неоднократно ругая аристократию за потерю «инстинкта» власти, критикуя её вырождение, Василий Витальевич поставлял ей премьеря: *«Когда графья и князья» становятся писателями и поэтами, они теряют прирождённую властность, то есть становятся к власти неспособными. Им надо уходить с командных постов добровольно и заблаговременно. Если они этого не сделают, их столкнут выходцы из низов. Они будут править пока тоже не вырождаются. Столыпин не выродится... Этот аристократ не писал стихов, ни романов, он занимался своим прямым делом. Но его убили».*

Свои идеи о столыпинской России Шульгин озвучивал и в лекциях, которые читал, находясь в эмиграции. В 1933 году Шульгин вступил в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) – праворадикальную организацию русской эмиграции. Из молодых по возрасту членов НТСНП он создал своеобразный семинар, на котором и проводил лекционные занятия. В качестве политика, достойного подражания, в лекциях Шульгина фигурировал Столыпин. Новая Россия представлялась Василию Витальевичу великой «в столыпинском смысле», и он неоднократно утверждал о безальтернативности «превращения русских крестьян в собственников по примеру Запаха». Единоличную собственность на землю Шульгин рассматривал как гарантию от «опасных неурожаев», так как в условиях частной собственности могут быть обеспечены значительные хлебные запасы. Он считал, что проведение и реализация реформы собственности в столыпинском духе – это длительный, но «обходимый процесс. Василий Витальевич полагал: *«Собственность – вот тот Сезам, который отпирает все запоры».* По его мнению, аграрные преобразования Петра Аркадьевича могли бы способствовать перестройке земледелия России на европейский лад: *«Реформа Столыпина вдохновлялась изречением английского экономиста: «Дайте собственнику бесплодную скалу, и он превратит её в цветущий сад!» Пример Западной Европы подтверждал эту мысль... Бесхозной земле надо дать хозяина!.. Реформа Столыпина, энергично проводимая, прошла успешно... Война 1914 года похоронила реформу Столыпина. В 1917 году произошла революция, и вместо реформы Столыпина Россия получила реформу Ленина».*

«Дорога западноевропейского устройства»

Столыпин для Шульгина представлял человека, который *«не отступит, его не испугаешь ничем. То, что он делает из России, он делает из убеждения, что так надо. Он свободен от всяческого страха, что нужно так или иначе повернуть руль, то он это сделает; и никто не посмеет его заподозрить, что он чего-либо испугался. Если прибавить к этому, что Столыпин погиб, никогда не изменив самому себе, после девяти неудавшихся покушений, то легко восстановить в памяти эту бронзовую фигуру последнего русского вельможи. Пусть памятник ему снесён: образ его бережно хранится в сердцах его знавших и любивших, и они донесут этот образ до иных времён, более благодарных и менее несправедливых»*. Огорчал Василия Витальевича тот факт, что Столыпин не смог создать массовое движение, партию, на которую можно было бы опираться: *«Пётр Аркадьевич Столыпин... всецело занялся упорядочением аппарата правительственного и посему, конечно, не успел создать контрфорса... справа, который развил бы в борьбе ту же свирепую лютость, каковую обнаружили революционеры слева. Этот зияющий пробел пришлось впоследствии [восполнить]... генералам Алексееву, Корнилову, Деникину, Врангелю и другим, но уже при условиях слишком обременительных»*.

В эмиграции Шульгин писал: *«Все большие реформаторы, реальные реформаторы, не люди с повреждёнными мозгами типа Ленина, а люди действительной жизни и действительного творчества, типа Столыпина, были «либерал-консерваторами»*. Рассматривая Врангеля как продолжателя столыпинских идей, он призывал эмиграцию поддержать столыпинско-врангелевский путь развития, который, по его мнению, заключался в том, чтобы *«самоотверженно спасая всё, что можно спасти, не причитать бессильно над бесповоротно ушедшим; мёртвым – вечная память; оправдание их гибели – новая жизнь, которая стремится к небу над свежими могилами; этим утверждается вечность России»*.

Шульгин сохранял преданность Столыпину и его политике и во время следствия на допросах: *«Я выступал на общих собраниях Государственной думы, поддерживая т. н. «реакцию Столыпина»*. В своих речах я доказывал, что мероприятия Столыпина не реакционны, а представляют собой реформаторскую деятельность большого масштаба, имеющую цель *«в эволюционном порядке, без великих потрясений вывести Россию на проторенную дорогу западноевропейского устройства»*.

В своих размышлениях, написанных уже после освобождения из заключения и изданных в СССР, Шульгин признавал, что Столыпина *«в Государственной думе я убеждённо поддерживал, оставшись его почитателем и после его смерти»*. Верность покойному премьеру и уважение к нему Шульгин пронёс через годы Гражданской войны, эмиграции и тюрьмы, никогда не отрекшись от своей позиции. Современный историк Н. Н. Лисовой отмечает, что *«подлинными героями, Вождями с большой буквы, навсегда остались для Шульгина лишь два человека, два Петра – Столыпин и Врангель»*.

С того момента, когда депутат Шульгин впервые переступил порог Таврического дворца, начав думскую карьеру, прошло много времени. Позиционируя себя как монархист, Василий Витальевич с годами переходил на позиции национал-демократии. В результате его, как и Пуришкевича, ещё накануне падения монархии начали обвинять в измене правому лагерю.

Итогом стало участие Шульгина в принятии двух отречений. Писатель и философ В. Н. Иванов отмечал, что *«в февральские дни выступления своего в Пскове и на ст. Дно, В. В. Шульгин... был обманут... уговаривая государя оставить престол», да и «вся русская буржуазия, – не сама ли себе она надела петлю на шею своими собственными руками, не сама ли подожгла свою собственную избу, подобно фанатичным раскольникам, когда она оказалась обуюна внушённой мечтой о «благе народном»? Она мечтала вытопить только печку. Но она сожгла целый дом!»* Нанося в Думе удары по правительству, Шульгин вместе с либералами расшатывал трон. Закономерен и его переход от монархизма к цезаризму, когда он, всегда

тяготевший к «сильной руке», начал писать о необходимости для России вождя, подобного Столыпину.

В том, что курс Петра Аркадьевича был единственной возможностью не допустить в России революцию, Василий Витальевич не сомневался до конца своей долгой жизни: *«Пока был жив Столыпин, власть не дрожала... властитель излучал духовную силу, правителям необходимую. Главная особенность этой особой силы – бесстрашие»*. Переход Шульгина в оппозицию, участие в «Прогрессивном блоке», рукопожатие с лидером кадетов П. Н. Милюковым – всё это не было бы возможно при Столыпине...

Так судьба Петра Аркадьевича плотно переплелась с судьбой Василия Витальевича, ставшего одним из наиболее ярких «стольпинцев», отстаивавшего идеи покойного премьера даже в 1960-е годы в СССР в своих записках и воспоминаниях. Не исключено, что Шульгин писал это в надежде, что стольпинский опыт, который он пропагандировал, заинтересует тех, кто по роду службы читал его тексты. Увы, тогда этого не случилось...

III. Столыпин в историографии

Наумов С.

Государственное трезвомыслие:

Столыпин в исторической памяти и исторической науке⁶

Каждое поколение при выборе пути развития стремится найти знаковые ориентиры, маяки, с которыми можно было бы сравнить собственные достижения или определить верность выбранного маршрута. Столыпин – политик, реформатор, государственный, оставивший весомый след в истории, представляется в этом отношении фигурой интересной не только для профессиональных исследователей, но и для общественного сознания России в прошлом и настоящем.

Столыпин создал короткую, очень лично окрашенную эпоху в российской революционной истории. Страна стремительно росла экономически и менялась, обострились социальные противоречия. Революция 1905 года показала, что комплексные меры настоятельно необходимы. В это Столыпин сделал большой и решающий шаг в карьерном росте. Министерский и вскоре премьерский посты начали «пятилетку Столыпина» (1906–1911) в нашей истории. Ему пришлось с самого начала действовать в чрезвычайном режиме. Революционной атаке требовалось противопоставить динамичный, перспективный, но эволюционный, реформаторский путь развития. Такая задача востребовала фигуру действительно выдающегося масштаба. И Пётр Аркадьевич смог оказаться достойным выпавшей ему исторической роли. Премьер-министру пришлось заниматься практически всеми отраслями государственного хозяйства, аграрной проблематикой, местным самоуправлением в рамках нового политического формата, в стране, только что пережившей революцию. В условиях, когда Россия обрела Государственную думу и многопартийность, Столыпин смог стать публичным политиком, что было совсем непривычно для сановников Российской империи. В этих обстоятельствах он инициировал и возглавил процесс комплексного преобразования страны. В истории осталась «стольпинская аграрная реформа», хотя принципиально важно, что премьер являлся автором «большого проекта», замысла модернизации империи в сжатые сроки.

Сто лет, прошедшие со времени его гибели, – достаточная дистанция для взвешенных оценок. Сегодня очевидно, что многое из наследия Столыпина-реформатора и характера Столыпина-человека носит вневременной характер, вновь становится актуальным. Действительно, проблематика модернизации, социального взросления, экономического прорыва вновь актуальна в современной России. Можно полагать, что незавершённость стольпинского замысла сформировала многие проблемы последующих десятилетий.

В личностном плане Пётр Аркадьевич явил собой новый тип государственного служащего, креативного, публичного политика, человека волевого, с широким кругозором, с умением подбирать необходимые кадры, выстраивать отношения с разными ветвями власти. При этом он демонстрировал завидные личные и профессиональные качества – был смел и самоотвержен, дисциплинирован и инициативен, удивительно трудоспособен. Эта фигура сегодня являет собой образец чиновника высокого ранга, которому досталось принять на свои плечи груз серьёзных перемен во внутривластном курсе власти.

В отражении наследия Столыпина в общественном сознании на первый план выходят оценки, имеющие личностную окраску. Так, представитель партии октябристов, депутат I и II Государственных дум А. В. Ерощкин в лекции о стольпинских реформах, прочитанной в 1912

⁶ Наумов С. Государственное трезвомыслие : Столыпин в исторической памяти и исторической науке // Родина. 2012. № 4. С. 109–111.

году, приписывал Петру Аркадьевичу планы введения для общества конституционных основ и создания из крестьян-собственников опоры для новой политической конструкции. А в 1913 году Н. П. Шубинский в брошюре «Памяти П. А. Столыпина» старательно обосновывал и оправдывал все действия реформатора по подавлению силой сопротивления общества, находя для этого вполне убедительные доказательства. Историография, посвященная Столыпину, как правило, поделена на две ключевые позиции – хвалебную (герой, «забытый исполин», достойнейший, «мученик России» и т. д.) и осуждающую (вешатель, гонитель, тиран, «мучитель России» и т. п.).

Отметим, что личность и деятельность Столыпина вызвали бурную публицистическую реакцию сторонников и (куда более активную!) – противников премьер-министра уже во время его премьерства. Для чиновного мира Петербурга он выглядел и «слишком» молодым, и отчасти провинциальным. Выступления Петра Аркадьевича в Государственной думе и Государственном совете составили самостоятельное и яркое публицистическое наследие. Затем последовала смерть – трагическая, внезапная... «Загадка смерти» так и осталась, по большому счёту, загадкой. Она всколыхнула волну внимания и сочувствия, масштаб личности стал очевиднее для наблюдателей. Дань уважения Столыпину отдали даже политические противники, столь масштабной и цельной оказалась эта фигура в своём недолгом государственном служении.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос: кто же виноват в провале масштабных проектов реформ – сам Пётр Аркадьевич, неправильно оценивший потенциал преобразований, или же общество, верхи и низы которого упорно не желали меняться и трансформировать свою ментальность в сторону более современной, буржуазной?

Двойственной остаётся и оценка его взаимоотношений с Думой: одни подчёркивают его политическую волю, грамотность и следование традициям уважения к представительной власти; другие видят в его действиях показное, притворное и своекорыстное отношение к органу, стремившемуся ограничить его самовластие. Некоторые исследователи отказывают Столыпину в цельности и последовательности суждений. Другие, наоборот, подчёркивают, что общую идею переустройства России он пронёс через всю свою карьеру, начиная с самого первого назначения.

Трагизм положения Столыпина был очевиден уже непредвзятым современникам. Ему пришлось решать две разнохарактерные, зачастую внутренне противоречивые задачи. Первая – социально-хозяйственная, связанная с преодолением предела экстенсивного развития аграрного сектора, – требовала времени, гигантских вложений средств, кадров, наконец, элементарной грамотности тех, для кого она решалась, – крестьян. Как подойти к этой задаче в стране размером с континент, где более 80 процентов населения кормилось земледельческим трудом, само по себе было головоломкой.

Однако не менее масштабна была и задача политическая. За плечами – 1905 год, когда община пошла в атаку на помещичьи земли. Нужно было срочно сформировать в деревне слой лояльных, готовых развивать товарное хозяйство крестьян, освободить деревню от тех, кто этого делать не мог или готов был расстаться с деревней в пользу неземледельческих занятий. Отсюда и логика Указа 9 ноября 1906 года, и Закона 14 июня 1910 года. Решать такую двуединую задачу изначально было делом неблагодарным. Какой-либо принципиальной новизны в таком подходе тоже не было. Спор о тенденциях развития села вёлся с 1870-х годов...

Правые имели свои взгляды на роль помещичьего землевладения. Они напоминали, что товарный хлеб (важная статья русского экспорта рубежа веков) давали в основном помещичьи экономии, где находили себе работу тысячи и тысячи крестьян, которых не могли прокормить их надель. В этих воззрениях была своя правда, свои резоны. Пожалуй, только у либералов наличествовали прекраснодушные схемы: они по традиции хуже знали деревню, хотя привычно уверенно судили о ней. Для марксистов, как известно, крестьянин был фигурой сугубо временной, ему надлежало стать сельским пролетарием. Реформаторство, начавшееся в 1906

году, вызвало бурный всплеск этих споров. Первые итоги столыпинских преобразований активно комментировались. Тем более, что в начале века вставало на ноги русское обществознание. Анкета в деревне начинала становиться привычным делом. Публицистика и историография вопроса шагали в ногу с самим ходом событий.

События Великой (современники именно так её именовали) войны и революции отодвинули на второй план проблематику и «свёрнутых» реформ, и личности самого реформатора. Остались чёрные ярлыки, вроде «столыпинских галстуков», и сама эта личность в раннесоветский период превратилась в дежурную зловещую тень самодержавия, чем-то вроде Аракчеева для своей эпохи. Надолго в советской историографии закрепился тезис, выдвигавшийся не без торжествующего злорадства: реформа провалилась! Мол, Столыпин был призван спасти самодержавие и предотвратить революцию – ни то, ни другое не удалось. С течением времени советская историография всё же оправилась от революционного пафоса и вернула себе черты науки. Уже в 1960–1990-е годы серьёзные исследователи разбирали аграрные преобразования П. А. Столыпина.

Назовём ведущие имена – А. М. Анфимов и академик И. Д. Ковальченко. Последний уже зрелым учёным сел за парту – осваивать математические методы. Применяя метод экстраполяции, он сделал свои выводы по итогам реформы. Что получилось? Приговор. Реформа провалилась ещё до 1914 года, общину покидали не крепкие хозяева, как планировалось, а голытьба; реформа вызвала раскол в селе и резко усилила социальную напряжённость. Этот вывод вполне сочетался с господствующей идеологической установкой, но при этом опирался на вполне научную методологию.

Затем, с расширением возможностей исторической науки, с середины 1980-х годов, исследователи вернулись к теме аграрных преобразований Петра Аркадьевича. Президент ВАСХНИЛ, академик Александр Никонов оценил реформу как вполне удавшуюся: её остановили внешние события, а не внутренний крах. Доктор исторических наук Б. Н. Миронов, создавший впечатляющий труд по социальной истории России, также касается этого вопроса. Его вывод таков: реформа протекала с издержками и потерями, но шла и имела шансы решить поставленные задачи.

Рассматривая состояние саратовской деревни, М. Я. Носенко проанализировала те изменения, которые начались в ней по мере реализации аграрных преобразований. Сравнив состояние деревенского хозяйства до реформ и после их свёртывания, она пришла к заключению, что деревенское общество осталось нищим.

Другие исследователи обращают внимание на глобальные изменения в обороте промышленной продукции, росте урожайности и энерговооружённости деревни, свидетельствовавшие о той роли, которую сыграла аграрная реформа Столыпина в судьбе государства. Так, авторы учебника «История России. XX век» К. Б. Валиуллин и Р. К. Зарипова, обосновывая тезис о том, что уничтожение общинной формы организации крестьянского хозяйства стало проблемой, решить которую Российской империи требовалось немедленно, приводят данные об урожайности полей в России и её значительном росте в период 1908–1913 годов, когда вместо собиравшихся обычно 30–40 пудов с десятины, средний урожай составлял: озимой ржи – 52,7 пуда с десятины, озимой пшеницы – 61 пуд, ячменя – 59 пудов, овса – 54,5 пуда. Не забудем, что и в Русском зарубежье Столыпин помнили, сопоставляли его деятельность с последующей политикой, к примеру, правительства П. Н. Врангеля, в котором работал ближайший соратник Петра Аркадьевича А. В. Кривошеин.

Примечательно, что даже по поводу политической позиции Петра Аркадьевича не существует единого мнения. Часть исследователей убеждена, что он был либералом, стремившимся привить России современную культуру и формы организации, другие считают его консерватором, вынужденным проводить реформы под давлением обстоятельств. Третьи полагают, что он до самого конца был преданным монархистом, по-своему понимавшим служение Отчизне.

Итак, что мы имеем сегодня? Подтверждается ли печальная истина о том, что историческая наука частенько живёт в узких идеологических коридорах и вынуждена следовать их поворотам? Или же дело в том, что аграрные преобразования были настолько сложным процессом, с возможностью реализации разных потенциалов, накопившихся на селе, что оценки этой трансформации могут на деле рассматриваться в разном контексте и с разных методологических «колоколен»? Нам представляется, что второй ответ скорее приведёт к истине. Не раз говорилось о том, что Столыпин не внёс ничего нового, что проекты преобразований в аграрном секторе давно уже обсуждались. Да и сам трудный процесс перехода сельского хозяйства с экстенсивных на интенсивные рельсы пережили разные общества с различной мерой успеха.

К тому же разброс региональных итогов столыпинских преобразований также оказывается впечатляющ. Материалы Архангельской губернии позволяют реформу просто не заметить, Ставропольской – говорить об оглушительном успехе, любой из нечернозёмных губерний – о провале. Видимо, сегодня важно рассматривать аграрные преобразования Столыпина в широком контексте перспективного тренда развития России на достаточно широком историческом отрезке. Это позволит оценить меру успешности всего реформаторского цикла и масштаб личности самого Петра Аркадьевича.

Очевидно, что любая реформаторская деятельность не может рассматриваться только как совокупность статистических данных. Она обязательно приобретает эмоционально-окрашенный характер и, «оседая» в исторической памяти, становится противоречивой из-за специфики личностного восприятия изменений. Но при этом, благодаря широкому резонансу в общественных отношениях, оценка перемен приобретает огромный потенциальный заряд, который позволяет создавать в массовом сознании ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей.

В конечном итоге оценка политических и управленческих решений Столыпина как сто лет назад, так и сейчас зависит от принципиального ответа на главный вопрос всей российской истории: нужны ли были перемены! В широком понимании оценивается, по сути, не сам Пётр Аркадьевич, а выбор, который он делал для России. Поэтому чаще всего исследователи, стоя зачастую на диаметрально противоположных позициях, описывают не Столыпина-реформатора, а свою собственную позицию в отношении реформ. Многие при этом видят образец в западноевропейской культуре, другие призывают полагаться на своеобразие собственной системы, лучше соответствующей ментальности и традициям народа.

Определение оптимальной модели, которую следует выбрать в качестве идеального образца при реализации преобразований, остаётся одним из самых важных вопросов, которые беспокоят всех реформаторов. Поэтому в богатейшем наследии Столыпина следует выбирать то, что действительно актуально для сегодняшнего дня, – просвещённый консерватизм, государственное трезвомыслие и политическую волю. В современных условиях, когда одной из самых актуальных тем является задача формирования эффективной, принимаемой обществом национальной модели управления (по аналогии с японской, американской, шведской), столыпинские идеи становятся для общества символом. Наследие же Петра Аркадьевича как попытка осмысления и освоения особенностей российской ментальности должно стать частью фундамента этой идеи.

В самом деле, в 1920-е годы, когда имя Столыпина было «фигурой зла», а реформа, казалось, навсегда похоронена аграрной революцией, «столыпинские» тенденции по нарастающей проявились снизу. Так, в одном из подмосковных уездов местные власти недовольно писали, что «мужики, как раки, разлезлись на хутора»... Представляется, что Пётр Аркадьевич в основном правильно оценил тот потенциал изменений, который накопило крестьянство. Да, у него были связаны руки, был жесточайший цейтнот, но он сдвинул «подмороженное» (по рецепту Победоносцева-Леонтьева) крестьянство в нужном направлении. Другое дело, что шаг реформы и шаг изменений в самом крестьянстве не вполне совпадали. И в этом – личная трагедия этого исторического деятеля.

IV. Материалы для подготовки уроков⁷

Лозбенёв И.

Согласие и противостояние:

аграрная реформа Столыпина и крестьянство⁸

Для самого Петра Аркадьевича Столыпина, ещё новичка в системе управления России, положительный итог затеянной им аграрной реформы имел определяющее значение. Советский историк А.Я. Аврех рассуждал об этом так: «Просто сказать, что указ 9 ноября 1906 г. был главным делом жизни Столыпина, будет явно мало. Это был символ веры, великая и последняя надежда, одержимость, его настоящее и будущее – великое, если реформа удастся; катастрофическое, если её ждёт провал». Возможно, известный учёный и дал несколько завышенную оценку значению реформы, однако очевидно, что Столыпин затратил много сил на осуществление её главных целей.

Основной задачей реформы председатель Совета министров считал ликвидацию крестьянской общины. Так, выступая в Государственной Думе 5 декабря 1908 г. с речью «О земельном законопроекте и землеустройстве крестьян», он указывал: *«Смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определённое развитие, где община, как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землёю, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя»*. Указания достаточно чёткие и ясные. Однако сегодня всё больше историков говорят о том, что проведение реформы не было «прямолинейным» или «топорным». Признавая, что главный объект реформы – крестьянская община, которая стала к началу XX в. экономическим анахронизмом, П. А. Столыпин всё-таки не выступал за её обязательную и повсеместную ликвидацию. В той же речи он указывал: *«Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли»*.

Цели и задачи реформы были определены ещё на начальном её этапе, а вот законодательство, регламентирующее ход процесса, разрабатывалось довольно долго. Первым документом, определившим направление реформы стал «Указ Правительствующему Сенату о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г.

В нём, в частности, говорилось: *«Манифестом от 3 ноября 1905 г. взимание с крестьян выкупных платежей за наделные земли отменяется с 1 января 1907 г. С этого срока означенные земли освобождаются от лежащих на них, в силу выкупного долга, ограничений, и крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев переходящих к личному владению участков из мирского надела»*. Также были определены правила выхода из общины, которые указывали, что:

⁷ Темы уроков: «Первые результаты столыпинской реформы. Её оценка крестьянством», «Общество и революция 1905–1907 гг.», «Столыпин и его реформаторская программа», «Отношение различных политических партий к его деятельности на посту премьер-министра», «Первые результаты столыпинских реформ 1907–1914 гг.».

⁸ Лозбенёв И. Согласие и противостояние : аграрная реформа Столыпина и крестьянство : к 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина // История. 2012. № 3. С. 24–29.

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24 лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким домохозяином укрепляются в личную собственность сверх усадебного участка земли, состоящие в его постоянном (не арендном) пользовании. Завершает основной законодательный цикл реформы «Закон о землеустройстве» от 29 мая 1911 г., в котором уже достаточно чётко, с учетом имеющегося опыта, определяются основные формы выхода крестьян из сельских обществ. В качестве подобных форм указываются:

1) выдел земли отдельным селениям сельских обществ; 2) выдел земли выселкам и частям селений; 3) выдел отдельных отрубных участков членам сельских обществ и имеющих отдельное владение селений; 4) полное по целым сельским обществам и имеющим отдельное владение селениям на отрубные участки; 5) уничтожении чересполосицы подлежащих действию сего положения земель с прилегающими владениями; 6) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включённых в одну дачу разверстания; 7) раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев; 8) отграничение подлежащих землеустройству земель от смежных владений в тех случаях, когда предварительное установление внешних границ необходимо для исполнения вышеперечисленных землеустроительных действий». Всё чётко, ясно и основательно.

Казалось бы, крестьянам оставалось только одно – просто выполнять изданные правительством инструкции и повышать свое благосостояние. В этой идиллической картине не хватает ответа только на один вопрос: а чего хотели сами крестьяне? Современный историк, изучающий аграрные процессы в России в начале XX в., при рассмотрении данного вопроса может опереться на достаточно объёмную группу документов – приговоры и наказания крестьян, поданные в I и II Государственные Думы.

История появления данного массива документов такова. Уже в ходе Первой русской революции, 18 февраля 1905 г., был издан указ императора Николая I Правительствующему Сенату, предлагав цели и задачи реформы были определены ещё на начальном её этапе, а вот законодательство, регламентирующее ход процесса, разрабатывалось довольно долго. Первым документом, определившим направление реформы, стал «Указ Правительствующему Сенату о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. В нём, в частности, говорилось: «Манифестом нашим от 3 ноября 1905 г. взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли отменяется с 1 января 1907 г. С этого срока означенные земли освобождаются от лежащих на них, в силу выкупного долга, ограничений, и крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев переходящих к личному владению участков из мирского надела». Также были определены правила выхода из общины, которые указывали, что:

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24 лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким домохозяином укрепляются в личную собственность сверх усадебного участка земли, состоящие и в его постоянном (не арендном) пользовании». Завершает основной законодательный цикл реформы «Закон о землеустройстве» от 29 мая 1911 г., в котором уже достаточно чётко, с учетом имеющегося опыта, определяются основные формы выхода крестьян из сельских обществ. В качестве подобных форм указываются:

1) выдел земли отдельным селениям сельских обществ; 2) выдел земли выселкам и частям селений; 3) выдел отдельных отрубных участков членам сельских обществ и имеющих отдельное владение селений; 4) полное по целым сельским обществам и имеющим отдельное владение селениям на отрубные участки; 5) уничтожение чересполосицы подлежащих действию сего положения земель с прилегающими владениями; 6) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включённых в одну дачу разверстания; 7) раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев; 8) отграничение подлежащих землеустройству земель от смежных владений в тех случаях, когда предварительное установление внешних границ необходимо для исполнения вышеперечисленных землеустроительных действий». Всё чётко, ясно и основательно. Казалось бы, крестьянам оставалось только одно – просто выполнять изданные правительством инструкции и повышать свое благосостояние. В этой идиллической картине не хватает ответа только на один вопрос: а чего хотели сами крестьяне?

Современный историк, изучающий аграрные процессы в России в начале XX в., при рассмотрении данного вопроса может опереться на достаточно объёмную группу документов приговоры и наказания крестьян, поданные в I и II Государственные Думы.

История появления данного массива документов такова. Уже в ходе Первой русской революции, 18 февраля 1905 г., был издан указ императора Николая II Правительствующему Сенату, предлагавший всем «верноподданным, радеющим об общей пользе и нуждах государственных», «частным лицам и учреждениям» подавать петиции («виды и предположения») на «высочайшее» имя «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Крестьянство воспользовалось такой возможностью и направило в I Государственную Думу 1900 обращений и 4000 – во II Думу.

Какие вопросы волновали крестьян? Обобщенно их можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица

Статистика петиционного движения крестьян

Требования	Всего	%
Всего обработано петиций	664	100
Отмена частной собственности на землю и передача частновладельческих, казенных, удельных, церковных и других земель	230	34,6
Отчуждение частновладельческих, казенных, церковных и других земель и раздача их в пользование крестьянам	172	26
в т. ч. без выкупа	106	17,4
в т. ч. за выкуп	9	1,5
в т. ч. за выкуп за счет государства	14	2,1
Земля – «дар Божий», дар природы, она не может находиться в частной собственности (быть предметом купли-продажи), а должна находиться в пользовании, но не в частном владении	178	26,8

Создание общенародного (государственного) земельного фонда	64	9,6
Требование земли только в форме «земли и воли»	80	12
Если земля не будет отдана народу, то возьмёт её сам	46	7
Уравнительное землепользование	53	8
За общинное землепользование	38	5,7
За подворное землепользование	7	1,05
За разрушение общинного землевладения (за свободный выход из общины)	8	1,2
Земля должна принадлежать тем, кто её обрабатывает собственным трудом без использования наёмной рабочей силы (по трудовой норме)	291	43,8
Обложить волостным сбором помещичьи, церковные и кулацкие земли (всесословные волости)	54	8
Одобрение указа от 9 ноября 1906 г.	5	0,75
Возмущение указом от 9 ноября 1906 г.	22	3,3
Осуждение указа от 9 ноября 1906 г.	19	2,9
Обличение помещиков за их корыстолюбие, их стремление удержать за собой землю	69	10,4
Упразднение должности земских начальников (и правительственной опеки)	138	20,8

Данные, содержащиеся в таблице, хорошо показывают, что крестьяне несколько иначе, чем П. А. Столыпин и правительственные служащие, видели решение «аграрного вопроса». Более трети крестьян считали необходимым отменить частную собственность на землю. Почти треть крестьян объясняли это тем, что земля – это «дар Божий» и должна принадлежать тем, кто её обрабатывает. Ещё почти половина пославших свои петиции крестьян требовала землю без всяких обоснований. Не прошли мимо крестьян и первые документы столыпинской реформы, хотя они упоминались нечасто (в совокупности в 7% петиций), но из них менее 1% поддержали указ от 9 ноября 1906 г.

Петиции, требования и другие документы, подготовленные крестьянами и собранные специалистами, показывают не только «сухую цифирь», но содержат живые высказывания самих крестьян. Они позволяют увидеть проблему столыпинских реформ как бы «снизу вверх», помогают представить восприятие и оценку реформы теми, на кого она была направлена. Петиции, направленные крестьянами в Государственную Думу, отражают различные стороны крестьянской жизни, её трудности и проблемы. Вот как крестьяне описывали своё положение. Жители деревни Федосьево Спасского уезда Рязанской губернии сообщали: «С отмены крепостного права нас числилось по ревизии 180 душ мужского пола, земли нам дадено было по одной десятине и выгон для скота. В настоящее время нас уже насчитывается 400 душ мужского пола, а земля всё та же... лугов также не имеем, и нет лесу, где бы могли срезать прут. Вся прилегающая к нам земля, смежная с нами, находится в купеческих руках, продана нашим бывшим барином». А вот что писали жители деревни Дубки Нижегородского уезда и

губернии: *«По закону 19 февраля 1861 г., надел полевых угодий нам отведён по 4,5 дес. на каждую душу, причём самая лучшая пахотная земля, находящаяся вплоть у нашего селения, а также покосы и лесные дачи остались в пользу нашего бывшего помещика г. Козлова... Надел же наши пахотной земли, большей частью самой плохой земли, отведён в отдалённости на три и больше версты от селения; покосов и пастбища для скота, а также и лесов, хотя бы для необходимости отопления, совсем нет. Население же наше в период этого времени, 45 лет, увеличилось в полтора (раза), а вместо бывших тогда 104 ревизских души мужского пола в нашем обществе теперь 150 душ, и всё наше общество без исключения занимается и дорожит земледелием, а поэтому в силу необходимости в продолжение всего вышеозначенного времени арендуем у частных владельцев пахотные и луговые земли, за что уплачиваем ежегодно до 1200 руб., каковые и оправдываем только от урожая хлеба».*

Крестьяне села Дубское Княгининского уезда Нижегородской губернии своё хозяйственное положение характеризовали так: *«При освобождении крестьян от крепостной зависимости наши отцы и по неведению своему от земельных душевых наделов (в размере 4 дес. на душу) отказались, а взамен этого попросили своего помещика вырезать им земли даром. Помещик согласился дать только 1/4 часть полного надела на 230 ревизских душ мужского пола. В настоящее время от увеличения населения в 1,5 раза лиц мужского пола, которым бы следовало дать душевой надел, считается около 350 человек. Вследствие этого в нашем обществе есть лица, которые имеют детей, проливают кровь за Отечество на войне, но земельных наделов, даже таких незначительных, как даровые, не имеют. При этом у нас нет совсем леса, лугов всего 1/4 дес. на душу, пастбища совершенно нигде».*

Сложно представить, чтобы крестьяне были довольны такой ситуацией. Очевидно, что у них возникало желание радикально решить земельный вопрос. Достаточно просто об этом писали некие крестьяне Рязанской губернии: *«По-нашему, необходимо все земли передать в руки трудовому народу, – пусть землёй пользуется тот, кто своим личным трудом обрабатывает её. Земля не должна быть предметом торговли; необходимо, чтобы земля была общенародной».*

Жёстче высказывались крестьяне деревни Петрово Муровского уезда Владимирской губернии: *«Прежде всего, нам нужна земля в достаточном количестве, чтобы было достаточно хлеба. Земли на Руси много, но она в руках немногих: богачей-землевладельцев, у монастырей, церковной сколько, удельной и др., она обогащает немногих. Это несправедливо: она должна быть общественной собственностью и принадлежать тем, кто будет на ней трудиться сам». В том же духе выражали своё мнение жители Покровской волости Макарьевского уезда Нижегородской губернии: *«Положение, когда один владеет тысячами и сотнями тысяч десятин, а многомиллионное крестьянство влачит жалкое существование только на двух-трёх десятинах, мы считаем в высшей степени несправедливым и присоединяемся к общему требованию всего трудового крестьянства: «Земля должна принадлежать тому, кто её обрабатывает, и принадлежать не на правах аренды или выкупа – будет, уже заплатили вдоволь! – а бесплатно! Довольно богачам пользоваться кормилицей землёй, теперь наш черёд! Земля – народу! Вот наши заключительные слова...».**

А вот звучащее, как манифест, заявление крестьян села Старая Михайловка Саранского уезда Пензенской губернии. В нём они писали: *«Мы желаем, чтобы зло земельной частной собственности покончить в один раз и навсегда, как это нам показала история, что вознаграждение ведёт к величайшему обнищанию страны и к непосильному гнёту для нас, крестьян. У нас у всех в памяти кутузки, продажа скота, заушение со стороны властей, слёзы жён и детей, которые оплакивали трудами откормленную скотину и продавали с торгов кулаку за недоимки».*

Как указывалось выше, мимо внимания крестьян не прошли и манифесты, в которых законодательно оформлялись идеи Столыпина. В основном, жители села высказывались против раздела общины. Об этом говорит не только статистика. Так, члены Новинского сельского

общества Мологского уезда Ярославской губернии указывали, что очень скоро «вся отчуждённая земля разойдётся по рукам и нечем уже будет наделять прирастающее население».

Для разрешения данной проблемы крестьяне предлагали следующий вариант решения земельного вопроса: *«Отчуждение всех земель в Государственный земельный фонд для наделения крестьян, дабы каждый мог обязательно сдать её обратно в фонд, если семья уменьшится. Этот способ может быть осуществим во всех краях России, так как явление изменения семей проявляются и неизбежно должны проявляться во всех местностях России».*

По мнению волостного схода Рыбацкой волости Петербургского уезда, Государственная Дума не должна принимать закон от 9 ноября, так как *«он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что каждый домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодёжь и всё потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в её целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам».* На предложение представителей власти переселяться в Сибирь крестьяне села Пушкино Костромского уезда 28 мая 1906 г. ответили: *«Если вы уже очень хвалите Сибирь, так и переселяйтесь туда сами. Вас меньше, чем нас, а следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам».*

Было бы неверно представлять здесь только отрицательные высказывания крестьян о реформах Столыпина. Опять-таки не только статистика, но и приговоры крестьян говорили о её поддержке, хотя бы частью сельского населения.

Например, жители деревни Зараменье Тверской губернии писали: *«Общинный строй и связанное с ним отсутствие самостоятельности у отдельных хозяев, возможность передела общинной земли, крайняя чересполосица наделов, причём по межам пропадает много земли, а при обработке много времени на переезд от одной полосы к другой – всё это ставит крестьянина в положение краткосрочного арендатора и создает условия, при которых улучшения приёмов хозяйства отдельными хозяевами, например, переход к более выгодной системе полеводства, является невозможным, и крестьянское хозяйство обречено на полный застой. Ввиду этого мы считаем необходимым размежевать общинные земли подворно, на правах полного и вечного владения каждого своим участком».*

Частное собрание крестьян Юрьевоцкого уезда Владимирской губернии требовало *«...уничтожения общинных законов и вообще связанных с общинным землепользованием постановлений; предоставление нам (крестьянам) полной свободы в землепользовании и признание за нами артельных прав, обязательств и отношений друг к другу, а всякие споры, отсюда вытекающие, чтобы разрешались на основании общих законов».*

Далеко не всегда крестьяне стремились выбрать одну из форм землепользования. Были высказывания, предлагавшие дать в этом вопросе свободу выбора. Так, крестьяне Костромского уезда считали, что *«порядок землепользования должен быть добровольный, по усмотрению местных жителей, чересполосно, хуторно и общинно, а не по общему шаблону для всей России».* Жители села Никольское Орловского уезда и губернии указывали: *«Пользование землёй должно быть предоставлено во всех видах, какие сейчас существуют в государстве: общинном, товарищеском подворном».*

Отметим, что жизнь была сложнее тех или иных схем. Имелись случаи, когда община изменялась настолько, что приобретала уже совершенно новые черты. Описание такой общины применитель, но к Харьковской губернии дал известный учёный аграрник Н. П. Огановский. В одной из своих работ он рассказал о селе, где крестьяне нашли способ избавиться от дальнеземелья без перехода на отруб. Ими был выбран способ создания отрубных посёлков. Жители села разошлись на 3–5 верст от его центра. В старом селе остались базар, потребительский кооператив, сельскохозяйственное общество, церковь, школа. На данный процесс указывает и современный исследователь В. Г. Тюкавкин. В частности, он пишет: *«Массовый выход крестьян из общины не означал ликвидацию сельских сходов в деревнях».*

...Выход из общины не должен был пугать крестьян с точки зрения его отказа от участия в сельском сходе, в коллективном решении вопросов самоуправления или проявления бытовых трудностей». Оценивая масштабы описанного процесса, В. Г. Тюкавкин приводит следующие данные: по 40 губерниям в 124965 общинах из 213619 (58,5%) не было переделов земли (но сохранялась община.)

В целом, на основании приведённых материалов можно определить мнения сторон. Государство и крестьяне достаточно чётко выразили свои позиции. Малая часть крестьян была готова немедленно поддержать реформу. Основная масса сельского населения, если и видела для себя возможным раздел общины, то только через неопределённый срок при сохранении за собой права самостоятельно определять формы землепользования и, самое главное, при решении самой насущной проблемы – раздела земли помещиков. Без этого они не видели возможности решения аграрного вопроса в России. Готов ли был Столыпин на такой шаг? Даже с возможными оговорками ответ будет отрицательным. Само направление аграрных преобразований П. А. Столыпина вполне вписывается в канву экономических изменений, происходивших в российской деревне в начале XX в. Развитие капитализма, расширение рыночных отношений постепенно разрушали традиционные основы крестьянской общины. Как указывалось выше, экономический раздел общины мог происходить при сохранении её социальных основ – сельского схода и организованной взаимопомощи. Очевидно, что в исторической перспективе, со Столыпиным или без него, общину ждала трансформация. Стратегически верным можно признать и ориентацию реформаторов на крупных сельскохозяйственных производителей. Их появление – вполне естественный результат развития рыночных отношений, тем более, что крупные производители были лучше приспособлены к процессам модернизации в экономике. Но все эти факторы не решали главной проблемы, будоражившей всё крестьянство – малоземелья. Именно это крестьяне считали проблемой, требующей немедленного разрешения, всё остальное, что Столыпин считал основным, было для массового сельхозпроизводителя чем-то второстепенным. Это и делало невозможным провести реформу в том виде, в каком её планировал Столыпин. Чего уж точно не мог достичь главный реформатор в тех условиях, так это «двадцати лет покоя». Его не могло быть в условиях борьбы крестьян против помещиков за землю.

Спросим себя: можно ли было вообще решить аграрный вопрос методами, предлагавшимися реформатором? С определённой долей вероятности можно предложить следующую схему развития событий. Массовый распад крестьянской общины и закрепление земли за отдельными домохозяйствами резко усилил бы действие рыночных механизмов в деревне, земля стала бы объектом активной купли-продажи.

Предположительно можно говорить о том, что в этом случае она быстро сосредоточилась бы в руках небольшого числа сельхозпроизводителей. Возникшее аграрное перенаселение привело бы к уходу значительной части крестьян в города. При этом открытым остаётся вопрос: а были ли готовы города принять такое число новых жителей – и экономически (рабочие места), и социально (места жительства, досуг, образование и т. д.)? Экономическую часть этой задачи решил И. В. Сталин, проведя форсированную индустриализацию, социальная не была разрешена до конца существования советской власти, хотя большой прогресс в этом направлении был достигнут при Н. С. Хрущёве.

Можно предполагать, что если бы Столыпин решил первую часть своей задачи – раздел крестьянской общины, но не решил бы второй – быстрый экономико-социальный рост городов, то он вполне мог столкнуться с мощным социальным кризисом. Крестьяне, не найдя себе работы в городах, стали бы возвращаться в деревни и требовать повторного перерасдела земель. Гибельные для страны последствия данного процесса даже трудно себе представить. Добавим, что выдел отрубов и хуторов привёл к появлению большого числа пусть и самостоятельных, но мелких и необеспеченных необходимым капиталом хозяйств. Такие крестьяне вряд ли смогли бы приспособиться к новым требованиям индустриальной экономики и в основной своей массе были обречены на разорение.

Российские аграрники-новаторы периода столыпинских реформ⁹

Столетие со дня трагической смерти П. А. Столыпина – это значительный повод ещё раз задуматься и об итогах многосторонней деятельности великого реформатора, и о главных «движущих силах» его начинаний. В годы российских реформ начала XX в. в орбиту масштабных аграрных преобразований втягивались практически все сословия: крестьяне, помещики, священнослужители, сельские учителя (разночинцы); резко возросла роль работавших в деревне агрономов. Однако о деятельности этих людей (от которой, в первую очередь, и зависела судьба реформ) мы, к сожалению, всё ещё знаем очень мало. В литературе (включая учебно-методическую), как правило, акцентируется внимание на общих показателях аграрного развития страны в этот период. Между тем никакие сухие статистические данные не смогут заменить нам свидетельств непосредственных участников этих поистине эпохальных для России событий, связанных с кардинальной ломкой и устаревшего хозяйственного уклада крестьянства, и его мировоззрения.

Одной из ключевых задач столыпинских реформ было создание широкого слоя зажиточных крестьян. И эта задача была, в целом, успешно реализована.

Источники сохранили нам описания многих крестьянских хозяйств, перешедших на «новые рельсы» рыночного, буржуазного развития. Одно из наиболее характерных – это описание хозяйства крестьянина деревни Емельяновка Введенской волости Чухломского уезда Костромской губернии Егора Ивановича Расчётова, удостоенного за достигнутые хозяйственные успехи премией в 300 руб.

В 1910 г. он получил «в единоличное владение» два отрубных участка: пахотный (4 дес. 938 кв. сажен) и «для лесного и сенокосного пользования» (7 дес. 251 кв. сажен). В 1910–1911 гг. крестьянин приложил много усилий для «изучения различных систем хозяйства»: так, он брал книги из библиотеки Землеустроительной комиссии, внимательно их читал. В результате Расчётов решился «завести у себя саксонское шестиполье с паром», то есть шестипольный севооборот (хозяйственные подробности мы намеренно опускаем).

В итоге, несмотря на крайне ограниченные возможности (в хозяйстве имелись всего одна лошадь, две овцы и «10 штук кур»), ему за короткий срок удалось добиться серьёзных успехов. Ссуды в 50 и 60 р. позволили заменить «первобытные земледельческие орудия» (косулю, деревянную борону и др.) на железный одноконный плуг; были приобретены семена шведского овса и ржи.

Расчётов вошёл в состав местного крестьянского товарищества «пользования усовершенствованными орудиями для обработки почвы», которое было организовано в деревне Емельяновка на государственные средства Департамента земледелия. Это позволило ему использовать и другой передовой аграрный инвентарь.

В результате хозяйство Расчётова успешно развивалось. В используемом нами описании 1913 г. отмечалось, что он «не бережёт своего труда для улучшения хозяйства на своей земле; но крайне скуп и бережлив в расходовании имеющихся у него небольших средств»; «труд и энергия сделали то, что в округе его считают лучшим хозяином». И таких новаторов становилось в столыпинской России всё больше.

В августе-сентябре 1910 г. П. А. Столыпин совершил поездку в Сибирь и Поволжье с целью на месте ознакомиться с положением крестьян-переселенцев и с ходом освоения новых земель. От этой поездки осталась целая книга, включающая в себя мысли и размышления

⁹ Козлов С. Российские аграрники-новаторы периода столыпинских реформ : 9, 11 классы // История. 2011. № 13. С. 10–21.

великого реформатора. Выделим лишь один, но ключевой момент, отражённый в ней, – отношение самих крестьян к «разверстанию земель».

Как отмечают авторы книги – П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин, *«прежде всего, поразило то, как быстро проникаются крестьяне, перешедшие к новым формам владения, уверенностью в бесповоротности и прочности новых земельных порядков. От разверставшихся на хутора и отруба приходилось слышать, что по иному и жить нельзя. ...Крестьяне объясняли нам... сколько приходилось тратить времени и рабочей силы на объезд и обработку разбросанных по всему наделу клочков земли. Теперь всё в одном глазу, двести копен сvezли – два раза колёса мазали».*

Характерно, что, как отмечал сам П. А. Столыпин, зачастую сами крестьяне, а не чиновники исправляли недостатки нового землеустройства. Подводя итоги и касаясь уже всей страны, авторы книги с гордостью отмечали: *«...полмиллиона устроенных хуторских и отрубных, единоличных хозяйств – это, конечно, всего только 4 процента крестьянской России. Но для четвёртого года деятельности... и разверстание полмиллиона дворов свидетельствует, что дело стало на жизненный путь».* По их мнению, эта работа *«оказывает влияние не только на хозяйство, но и на мировоззрение крестьян».*

«Устраивая крестьян-хозяев каждого на своей земле, земельная реформа, – заключали они, – открывает возможность улучшений в крестьянском хозяйстве и укрепляет в народном сознании культ труда».

Наряду с укреплением частнособственнических настроений в годы столыпинских реформ проявилась и другая важная тенденция. Крестьяне, не обладавшие средствами, необходимыми для выхода на хутора или отруба, начинают активно объединяться в кооперативы и сельскохозяйственные общества. Так, в начале 1907 г. в Клинском уезде Московской губернии было учреждено Трудовое сельскохозяйственное общество крестьян Петровской волости.

Целью нового общества являлось «улучшение крестьянского хозяйства путём современных нововведений и перехода от трёхпольной системы к многопольной с травосеянием». В задачи общества входила и широкая просветительская деятельность в крестьянской среде, а также *«забота о предоставлении лучшим ученикам местных школ возможности получить сельскохозяйственное образование от низшего до высшего».*

Видное место в деятельности общества занимала помощь как самим членам общества, так и «окрестному населению» во время болезни, пожаров, неурожая и падежа скота. Общество открыло несколько потребительских лавок; организовало склад семян, земледельческих орудий и машин, а также ссудосберегательное товарищество. В результате удалось решить нелёгкую, но жизненно важную для крестьянства задачу – организовать сбыт сельскохозяйственных продуктов, «минуя скупщиков», что встречалось крайне редко. По примеру общества, крестьяне организуют такие же общества и в соседних волостях.

Вместе с тем, развитие отечественных кооперативов всё ещё заметно отставало от сельских кооперативов Западной Европы. Так, к 1909 году в одной лишь Германии насчитывалось более 2 тыс. различных кооперативных союзов, обществ и товариществ. Один из таких союзов, организованный в 1893 году в Берлине, к концу первого десятилетия XX века насчитывал свыше 200 тыс. членов. Характерно, что члены данного кооператива объединялись *«для достижения сельскохозяйственного прогресса, независимо от своих политических убеждений и величины своего земельного владения».* В России же подобное объединение было невозможно.

В целом же, несомненные успехи отечественного кооперативного движения свидетельствуют о позитивном сдвиге в психологии крестьянства, которое все активнее брало в свои руки хозяйственную и общественную инициативу.

«В настоящее время мы переживаем столь значительный исторический момент, до такой степени насыщенный скрытой энергией, что не будет ни странным, ни удивительным, если вся сельскохозяйственная деятельность окажется опрокинутой, как карточный домик, – отмечал журнал «Вестник сельского хозяйства» в 1910 г. – самым крупным и значительным рычагом этой разрушительно-созидательной работы является... ликвидация прежних форм землевладения, уничтожение общины, превращение крестьянина-общественника в собственника хуторных или отрубных участков».

В годы столыпинских реформ был создан слой зажиточных крестьян, которые после выхода из общины, как правило, смогли значительно улучшить и усовершенствовать свои хозяйства. Прежде всего, это выразилось в рационализации производства – перехода к четырехполью, экономии рабочего времени в результате ликвидации земельных полосок, внесении удобрений

В 1910 году многополье применялось уже почти в каждом третьем земельном обществе Московской губернии. К началу же Первой мировой войны, по подсчётам историка Д. В. Ковалёва, уже более трети земельных обществ губернии отказываются от трёхпольной системы и переходят к передовому многопольному хозяйству. Большинство крестьянских хозяйств региона вышло из общин не на хутора, а на отруба, оставив при этом коллективное пользование пастбищами и сохранив традиционный деревенский культурно-хозяйственный уклад. Характерно, что позже, уже в конце 1920-х гг., ряд единоличных крестьянских хозяйств региона объединился в коллективы по совместной обработке земли с применением машин, члены которых назывались «отрубщиками». Свидетели этих событий позже отмечали, что «путь отрубщиков был правильный и верный» и в перспективе вёл «к настоящему фермерскому хозяйству» – альтернативе насильственной коллективизации.

Хуторские хозяйства России также показали высокий производственный потенциал. Наибольшие успехи были достигнуты в Смоленской губернии, что далеко не случайно: выделение местных крестьян на хутора (причём по их собственной инициативе) началось здесь ещё за несколько лет до начала столыпинских реформ. Всего же за 9 лет (1905-1915) в губернии было образовано более 39140 хуторских и отрубных хозяйств с земельной площадью 393 тыс. дес, а процент вышедших из общины крестьян (16,2%) был гораздо выше, чем в среднем по России.

Личные заслуги П. А. Столыпина в этих несомненных успехах, бесспорно, исключительно велики. Как отмечал один из его соратников И. И. Тхоржевский, много работавший с премьер-министром, П. А. Столыпин, «человек чести, долга и дисциплины», «ненавидел русскую лень и русское бахвальство, штатское и военное», а его главным убеждением было, что России «надо было внутренне привести себя в порядок, подтянуться, окрепнуть, разбогатеть».

Даже один из ярых политических противников реформатора Е. Е. Крыжановский писал: *«...как бы ни расценивать Столыпина, одно бесспорно, что он работал для будущего России, и не какой-нибудь, а России великой, и немало успел для этого сделать. Он разрушил общинный строй, так много вреда приносивший современной ему России, открыв выход для накопившихся в крестьянстве деятельных сил, и направил их на путь хозяйственного развития и нравственного укрепления. Он разрушил тем и главную преграду – обособленность прав, – отделявшую крестьянские массы от слияния с остальными слоями народа в одно национальное целое. Он правильно понимал и значение заселения Сибири и деятельно его поддерживал».*

Вместе с тем, в крестьянской среде России в годы реформ проявились и некоторые отрицательные последствия проводимых аграрных преобразований. В чём же они заключались?

Во-первых, в результате усилившегося расслоения в деревне резко возросли острейшие противоречия между «сильными» и «слабыми» группами крестьян, порою доходившие до вооружённых столкновений; печальной нормой сельской жизни становятся многочисленные поджоги.

Во-вторых, заметно снизился интерес крестьян к общественным делам в результате растущей изолированности от «мира» (общинной среды) и большей занятости своим хозяйством, что было вполне закономерным явлением: у крестьянина не оставалось времени на что-либо иное в условиях жёсткой буржуазной конкуренции за «место под солнцем».

В-третьих, современники отмечали и такое явление, как снижение общей религиозности русского крестьянства («повреждение нравов»), что нашло яркое отражение в упадке посещаемости церквей (в том числе и по причине расселения на хутора).

В-четвёртых, наблюдался спад в развитии крестьянского образования: многие деревенские дети не посещали школы.

Что же касается случаев сопротивления крестьян-общинников аграрным преобразованиям, то, как справедливо подчёркивал историк В. Г. Тюкавкин, «их размах и распространение были сильно преувеличены оппозиционной прессой, а также во многих работах советского периода». По данным, на которые он опирался, за период с 1907 по 1914 гг. во всей огромной державе было отмечено всего 1583 волнения в деревнях (в среднем по 226 в год), однако «лишь часть из них была направлена против реформы».

В целом, положительные моменты, бесспорно, преобладали над отрицательными: «здоровые силы» русского крестьянства всё настойчивее проявляли себя. *«Деревня уже не та, – отмечала пресса в 1910 г. – последние годы не прошли бесследно. Мысль разбуждена... Население бросается в кооперацию и в школу, и в агрономию, и в народные университеты».* Аграрные реформы, продолженные и после смерти П. А. Столыпина, привели к впечатляющим результатам: к началу 1916 г., по данным В. Г. Тюкавкина, в европейской части России было создано около 2 млн. хуторских и отрубных хозяйств.

«Пахание земли» или «пахание мозгов»?

В период столыпинских реформ огромное значение приобрела работа сельских агрономов, поскольку именно от неё во многом зависела эффективность крестьянского труда. К началу 1907 г. складываются благоприятные условия для широкого развития агрономической помощи сельскому населению, причём во многом благодаря массовой продаже земель с помощью Крестьянского поземельного банка «на началах личной собственности».

На страницах самарского журнала «Земский агроном» известный аграрник А.Ф.Фортунатов отмечал: *«Местный агроном... это деятель агрономической помощи местному хозяйствующему населению, деятель сельскохозяйственного управления, стоящий в непосредственных сношениях с сельскими хозяевами...»*

По его убеждению, первоочередная задача местного агронома – *«будить понимание, давать новое освещение, новую связь тем знаниям, которыми хозяева уже располагают».* Таким образом, агроном *«прежде всего, должен быть научно-образованным проповедником, человеком, работавшим в области научного исследования и приглашающего других, хотя бы к самым скромным степеням научного исследования».*

Что же из себя представляли агрономы, работавшие в российской «глубинке»? Каковы были их личные приоритеты, убеждения, «душевные пристрастия»? Как отмечает историк О. Ю. Елина, «земских агрономов отличали достаточно высокий образовательный уровень, знания достижений мировой науки, инициативность и полная само- отдача в практической работе, корпоративная гордость, миссионерская забота... о нуждах и просвещении крестьян... Вот собирательный образ агронома-земца, составленный по характеристикам современников: он «самостоятелен», «независим», «трудолюбив», «знает науку», «радеет о нуждах сельских хозяев», «привносит агрикультуру в крестьянский обиход», «помогает умственному и гражданскому развитию соседей», является «проводником передовой сельскохозяйственной мысли».

Правительственные же агрономы, по мнению земцев, *«надолго оторванные от земли работой в министерских кабинетах, заражены духом бюрократизма, формализма, стремлением к гладкой отчётности в ущерб делу»*. *«Неудивительно, – заключает О. Ю. Елина, – что практика контактов земских и правительственных агрономов являла большей частью примеры напряжённых, а иногда и открыто враждебных отношений. Часто, работая на одной территории, они демонстративно не замечали друг друга»*.

Сельские агрономы проводили в уездах большой объём работ, прежде всего, направленных на повышение крестьянских урожаев и улучшение животноводства. При этом особенностью этой работы являлось оказание помощи, как правило, всему сельскому населению, а не только его состоятельным слоям.

Ключевое значение в годы столыпинских реформ приобрела деятельность по оказанию агрономической помощи населению. Как правило, она проводилась лишь с 1909 г. Смоленское уездное земское собрание «в целях воспособления хуторским хозяйствам» организовало в этом году агрономические чтения, сельскохозяйственные беседы и передвижные сельскохозяйственные выставки, а также «чтения по пчеловодству». В том же году единогласно постановило «ввести в уезде агрономическую помощь населению» Вологодское уездное земское собрание, пригласившее на работу в уезд агронома, пчеловода, огородника и четырёх агрономических смотрителей и организовавшее прокат сельскохозяйственных машин. Подобные меры были приняты и в других губерниях Центральной России.

Агрономическая работа всё теснее соединялась с кооперативной. Огромная заслуга в этом принадлежала местным земствам. Особенно активизировалась эта работа с 1910 г. в условиях быстрых темпов развития рыночных отношений в сельском хозяйстве страны. Стремительно прогрессирующая российская кооперация накануне Первой мировой войны вышла уже на международный рынок.

Если в первые годы агрономической деятельности крестьяне, как правило, крайне недоверчиво относились к внедрению аграрных новаций (требовавшему обычно значительных денежных расходов – до 200–500 руб. на одно крестьянское хозяйство), то затем ситуация кардинально меняется. В 1913–1914 гг. по причине повышения урожайности на «показательных полях» количество крестьян-единоличников, желавших «организовать у себя показательные меры», настолько возросло (в том числе в Смоленской и других губерниях), что удовлетворить их требования оказалось технически и организационно невозможно; орудия и машины уже выдавались «в собственность» и бесплатно предоставлялись крестьянам с ближайших прокатных станций.

На развитие местной аграрной рационализации порой оказывал сильное влияние и такой фактор, как политическая ориентация земских служащих. Вот лишь один характерный пример. Как отмечал крестьянин-новатор С.Т.Семёнов, после 1906 г. подмосковная деревня «оказалась в совершенном забросе перед лицом земства»: во главе губернского земства встали люди «консервативного направления», поставившие на передний план политическую борьбу, а не хозяйственно-просветительскую деятельность.

Результат оказался плачевен для крестьянства: земские кредитносеменные операции и агрономическая помощь населению были приостановлены, а страховые сборы даже увеличены на 20%. Лишь в 1909 г., когда были выбраны новые, «либеральные» гласные, положение улучшилось. Прежде всего, произошел подъём в развитии рационального молочного хозяйства Подмосковья.

Итак, несмотря на ряд трудностей, в годы столыпинских реформ правительство и общество добились огромных успехов в деле оказания крестьянам реальной агрономической помощи. Резко увеличилось количество участковых агрономов, которые обслуживали группу селений меньшую, чем уезд.

Главный положительный результат работы агрономов по модернизации архаичного деревенского быта был налицо. В 1909–1914 гг. впервые в России была организована широкомасштабная и эффективная агрономическая помощь сельскому населению, учитывающая специфику крестьянского производства в отдельных уездах.

Не случайно известный земский деятель П. Д. Копылов в 1910 г. подчеркнул: *«Всё относительно немного, что сделано у нас в отношении улучшения сельского хозяйства, сделано по преимуществу земскими учреждениями»*. И ключевую роль сыграли здесь именно земские агрономы скромные труженики российских полей.

«Наилучшие местные хозяева»

Выделим заметную просветительскую роль, которую ещё со второй половины XIX в. играло в сельской России местное православное духовенство. В советской историографии деятельность деревенских священников оценивалась, как правил крайне негативно; при этом на передний план ставилась их роль в качестве «проводников официальной идеологии», якобы культивировавших крестьянской среде «наивный монархизм» и религиозность.

Между тем в начале XX столетия многие священники внесли весомый вклад в процесс внедрения передовых агрономических знаний в крестьянскую среду. Это было не случайно: с одной стороны, сельские священнослужители хорошо знали особенности традиционного крестьянского культурно-хозяйственного уклада, последовательно выступая за его улучшение; с другой стороны, большинство из них составляли весьма «просвещённые» люди. Как отмечает историк Б. Н. Миронов, духовенство в России «было образованнее других сословий», не уступая по уровню грамотности даже дворянству: так, согласно при водимым им сведениям, в 1897 г. 89% всех священнослужителей были грамотными, а среди дворян лишь 86%. Вместе с тем, многие интеллигенты тех лет традиционно считали духовенство «врагом просвещения, противником прогресса и стеснитель уму», в чём ярко проявилась идеологическая предвзятость российской интеллигенции, к началу XX в. всё дальше отходящей от духовно-нравственных основ православной веры в сторону радикализма и «безбожия».

В дореволюционной печати не раз обращалось внимание на необходимость широкого привлечения духовенства к агрономической и культурно-просветительской деятельности по улучшению крестьянского хозяйства и развитию народного образования. При этом сами иерархи Российской Православной церкви выступали за ведение подобной работы в крестьянской среде *«лишь под условием строжайшего сохранения религиозных и нравственных начал»*. Не случайно в современных исследованиях отмечается, что *«неофициальные религиозные лидеры играли важную роль в деревенской культуре... до революции 1917 года»*.

Обращают на себя внимание статьи священника Смоленской губернии А. Ильенкова, посвященные насущным аграрным проблемам России и вызвавшие широкий общественный отклик. Детально описав традиционный для Смоленщины порядок общинного владения наделной землей, А. Ильенков обратил особое внимание на «неудобства и нестроения» подобного архаичного обычая, при котором, по свидетельству самого автора, «при переделе земли чрез 12 лет богатым дворам попадает в пользование никуда не годная от истощения земля, а беднякам хорошая». Как отмечал священник, *«при общинном владении землёю в теперешней деревне очень трудно, а в большинстве случаев и совершенно невозможно бывает отдельному домохозяину завести улучшения в своём хозяйстве»*.

В чём же конкретно эта тенденция проявлялась? Как подчёркивал автор, община подавляла частную инициативу буквально во всех отраслях сельского хозяйства. А. Ильенков писал: *«Сад развести почти невозможно, если никто из соседей не имеет сада. При первом появлении плодов в периоде их не только зрелости, а ещё завязи зелёные плоды будут уничтожены, а вместе с ними и деревья будут поломаны. Посеять клевер или другую какую траву без согласия мира также невозможно. ...Вслед за началом уборки хлеба, когда ещё большая половина хлеба не сжата, пускается скот на неубранные нивы, и поедается им хлеб»*

без всякой за то ответственности. Горе беднякам и людям малосемейным, не могущим сразу... сжать и сvezти свой хлеб с полей».

Методы крестьянского хозяйствования базировались на сложившейся системе разнообразных обычаев и предрассудков, свойственных крестьянской общине. Пахота производилась «мелкая» (на глубину не более 1,5 вершка); «глубокой» пахоты крестьяне боялись, считая, что она «портит землю». В целом, как отмечал священник, смоленские крестьяне боялись вводить какие-либо хозяйственные улучшения. В результате в их хозяйствах к началу XX в. по-прежнему преобладало архаичное трехполье; травосеяние почти никто из крестьян не вводил «за неимением лишних земель».

Отрицательно сказывались на развитии крестьянского хозяйства и другие факторы, включая отсутствие возможности покупать по приемлемой цене сельскохозяйственный инвентарь. «В деле приобретения для своего хозяйства разных необходимых орудий... – грустно констатировал А. Ильенков, – крестьянин наш поставлен в самые неблагоприятные условия: всё покупать плохого качества, не из первых рук, и за сравнительно высокую цену у местных купцов-кулаков и мироедов, а не из сельскохозяйственных складов земских...»

В этих условиях единственный эффективный выход из создавшейся ситуации многие крестьяне видели в добровольном отказе от общинных хозяйственных традиций. Как отмечал автор, «выход из деревни на отдельные участки» («кавалки», по терминологии самих крестьян) начался в Порецком уезде с середины 1890-х гг. Примечательно, что крестьяне взяли за образец организацию хозяйства, принятую у латышских земледельцев (выходцев из Лифляндской губернии), переселившихся в одно из местных имений. Смоленские крестьяне быстро оценили достоинства хуторского хозяйства, обратив особое внимание на то обстоятельство, что «жизнь латышей на хуторах лучше, чем жизнь и хозяйство в деревнях». В результате за сравнительно короткое время «расселился на хутора» ряд деревень Лоинской волости. При этом система землепользования, как правило, сохранялась традиционная – трёхполье с паровым полем для выгона скота. Однако это не помешало заметному хозяйственному прогрессу: «новые» хуторяне начали сеять клевер и вику, использовать методы рационального луговодства, в хозяйствах с успехом применялись железные бороны. Скота на хуторах крестьяне держали уже меньше, чем ранее в деревнях, однако содержание и уход за ним были гораздо лучше, чем за «деревенским» скотом. Характерно и замечание, сделанное А. Ильенковым: *«Общий голос крестьян тот, что на хуторах жить можно лучше, а главное, спокойнее и удобнее, чем в деревнях. Меньше соблазна ко всякого рода попойкам на общественные деньги, меньше ссор из-за дележа земли, потравы лугов и хлеба. Хлеб всякий хуторянин убирает в своё время...»*

Работы Ильенкова обратили на себя внимание видных отечественных аграрников, которые подчёркивали: *«Ещё Энгельгардт заметил, что сельское духовенство – наилучшие местные хозяева. Замечание это, сделанное им относительно его родной Смоленской губернии, как нельзя более верно и для других местностей России».*

На каком же основании был сделан этот смелый вывод? По мнению специалистов тех лет, *«сельский священник представляет самое полное сочетание условий, делающих человека хорошим хозяином: крепость данной земле, службу, которая от этой земли не отвлекает, но зато обязывает жить степенно, близость к местному рабочему населению и интимное знакомство с его хозяйством, заинтересованность в деле, ибо служебные доходы нашего сельского приходского духовенства так низки, что без выручки от хозяйства нужд его покрывать не могут, – наконец, хорошее образование...»*

Благодаря этим преимуществам, сообщения лиц сельского духовенства по сельскохозяйственным вопросам, – отмечали аграрники, – обыкновенно содержательны и представляют практический интерес, и нельзя не пожалеть, что такие сообщения встречаются в периодической печати не часто».

Священники самоотверженно боролись за закрытие «питейных лавок», поэтому не случайно главными их врагами в деревне стали торговцы водкой. Отметим, что большинство обществ трезвости в Нижегородской губернии было создано именно сельскими пастырями.

Провинциальные священнослужители России нередко занимали в те годы активную гражданскую позицию, критикуя негативные социальные и культурные явления деревенской, церковной и государственной жизни. К сожалению, в настоящее время такое отношение священников к общественной жизни проявляется сравнительно редко.

Разумеется, отнюдь не все деревенские священники занимались проблемами сельского хозяйства. Примечательно, что аграрный вопрос оказался наименее разработанным даже в программы Союза ревнителей церковного обновления, созданного осенью 1905 г.

А. И. Солженицын, характеризуя Российскую Православную церковь в начале XX в., справедливо во отмечал в работе «Черты двух революций»: *«...духовенство исключено из всякой общественно политической деятельности, просвещённость его слаба., никакого независимого духа, инициативы, а рядовые священники подавлены иерархами и ещё более – своей невылазной материальной нуждой». В результате сельское духовенство утрачивало прежние позиции «духовного авторитета»; ширился раскол между ним и обществом. «В глазах крестьян авторитет сословий в значительной степени был связан с материальным достатком», –* отмечает историк Т. Г. Леонтьева; поэтому бедность деревенских священнослужителей не только приводила к падению их «социального статуса», но и «вызывала сомнение в разумности существующего миропорядка», а это, в свою очередь, ослабляло и позиции самой самодержавной монархии. Часть деревенских священников поддержала радикальные крестьянские требования. Доходило до курьёзов: так, священник села Александрова Пустынь Рыбинского уезда Ярославской губернии Александр Ливанов даже подстрекал местных крестьян к конфискации не только помещичьих, но и монастырских земель!

Однако большинство сельского духовенства в годы столыпинских реформ, прекрасно понимая необходимость борьбы с анархией и погромами, всячески стремилось стабилизировать ситуацию в деревне, принимая посильное участие в проводившихся аграрных преобразованиях.

«Партизаны революции» или «проводники просвещения»?

Ещё одной группой населения, заметно влиявшей на аграрный прогресс и просвещение в целом, являлись школьные учителя. Наиболее активно они проявили себя в Московской губернии, причём задолго до столыпинских реформ. Местное губернское земство в 1893 г. оказало материальную поддержку 23 школьным садам и огородам на сумму 331 руб. 41 коп. Помимо этого, 30 школам были отправлены как наборы садовых инструментов, так и огородные и плодовые семена, а также методическая литература. В губернии регулярно организовывались летом курсы плодоводства и огородничества, на которых занималось свыше 100 человек из различных губерний России.

С конца XIX в. на вопросы «внешкольного распространения сельскохозяйственных знаний» обращает повышенное внимание и государство. Так, с 1887 г. под эгидой Министерства государственных имуществ организуются сельскохозяйственные курсы для народных учителей. Устраиваются и сельскохозяйственные чтения. Инициаторами созыва сельскохозяйственных съездов, как правило, были местные земства. Они же проводили и летние сельскохозяйственные курсы для учителей.

С начала 1880-х гг. усиленно пропагандируется идея «о привлечении народных училищ к делу распространения сельскохозяйственных знаний» с помощью организации «школьных показательных хозяйств», а также школьных садов и огородов. Заметное участие в этой пропаганде приняли члены Российского общества любителей садоводства, которое в 1881 г. обратилось к земским учреждениям с просьбой «оказать этому делу надлежащее содействие».

Одним из первых откликнулось на этот призыв Верейское земство Московской губернии, развернувшее активную работу, в результате которой уже в 1884 г. почти при всех школах уезда были отведены участки земли для огородов и плодовых питомников, а учителя были обеспечены за счет земства необходимым инвентарём и семенами. Этому примеру вскоре последовали и другие земства. К 1890 г. в Московской губернии существовало более 40 пришкольных садов и огородов в девяти уездах. Разумеется, этого было недостаточно, но тенденции наметились положительные. С 1891 г. Московское губернское земское собрание стало ежегодно выделять на «поощрение школьного садоводства» 500 руб.

Таким образом, школы наделялись земельными участками, превращаясь в центры распространения сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Размер школьных садов колебался от одной до семи десятин. Земельные участки под них отводились школам, в основном, крестьянскими общинами и помещиками. Школьные сады пользовались большим успехом у крестьян, которые на практике обучались в них садоводству и огородничеству. Помимо этого, производилась и бесплатная раздача растений, плодов и семян как учащимся, так и окрестным сельским жителям. Особенно успешно использовались огороды при школах в ряде северных губерний Европейской России (включая Вологодскую); применялись глубокая обработка почвы, минеральные удобрения и улучшенные семена. В результате заметно повысился уровень местной агрокультуры, а на крестьянских участках появились редис, свёкла и томаты.

Деревенские учителя занимались сельским хозяйством на арендованных участках земли.

Отметим, что основы культурно-просветительской деятельности в деревне под руководством местных учителей были заложены в кон XIX в. Огромную роль здесь сыграла работа известного учёного (ботаника и математика), педагога и просветителя Сергея Александровича Рачинского (1833–1902).

Традиции, заложенные С. А. Рачинским и опиравшиеся на православные духовно-нравственные ценности (которые он всячески внедрял в организуемых им учебных заведениях), после смерти педагога в 1902 г. продолжили его многочисленные последователи и ученики. К началу столыпинских реформ школьные сады, питомники и огороды существовали уже во многих губерниях Центральной России. Однако помощь со стороны местных земств была различной. Во Владимирской губернии выделялся Шуйский уезд, в котором в 1909 г. имелись «показательные сады и огороды» в 36 школах, а также пасеки при 10 школах. В других губерниях губернские и уездные земства выделяли на создание и работу школьных садов и огородов незначительные пособия либо награды учителям. В Смоленской губернии помощь земств в основном, ограничивалась командировками учителей на сельскохозяйственные курсы.

Московское губернское земское собрание ещё в 1894 г. отказалось финансировать организации школьных садов, поэтому их приняли «под своё попечение» уездные земства: Московское (26 садов и огородов), Коломенское. Подольское и др. При некоторых подмосковных школах в 1909 г. были заложены небольшие питомники для снабжения сельского населения саженцами.

Вместе с тем положение сельских учителей главных проводников просвещения в деревне оставалось крайне тяжёлым. На V съезде уполномоченных дворянских обществ 1909 г. при рассмотрении «вопроса о воспитании» отмечалось: «... большинство сельских учителей ждет только срока своего выхода из этого звания; да и оно не может быть иначе, когда учитель... получает содержание вдвое меньше продавца водки.. В большинстве случаев сельскими учителями становились люди, либо ожидающие «перехода в священники», либо стремящиеся избежать службы армии. Положение учительниц (которым платили значительно меньше, чем мужчинам) было ещё хуже. Низкая оплата труда и неустроенность быта приводили к текучести педагогических кадров: что наносило учебно-воспитательному процесс огромный ущерб. Деревенские учителя зачастую были лишены возможности обучать крестьянство сельскохозяйственным знаниям, более того, нередко выступали в роли «партизан революции»,

активно внедряя в патриархальное сознание крестьянства революционные антигосударственные идеи.

По свидетельству Т. Г. Леонтьевой, в этот период даже многих женщин «из духовного сословия» стремительно «закружил революционный вихрь»: молодые учительницы из семей священников после 1905 г. активно пропагандировали безбожие и социалистические идеи. Особое рвение при этом проявляли земские учительницы, вступившие на путь враждебной конфронтации с деревенскими священниками и их прихожанами. В итоге крестьяне даже подавали многочисленные прошения об изгнании из селений наиболее «безбожных» и агрессивных учительниц.

«Левые» педагогические газеты и журналы захватили почти всю педагогическую печать довоенной России. Однако это отнюдь не способствовало хозяйственному образованию крестьянства: акценты зачастую делались не на просветительские начинания, а на идеологические моменты. Вспомним здесь и печальную судьбу смоленского «культурно-хозяйственного гнезда» княгини М. К. Тенишевой, ставшего в 1905 г. жертвой целенаправленной межсословной пропаганды. В результате усиливалось противостояние между отдельными сословиями России, что крайне негативно отражалось на всех сферах общественной и государственной жизни.

Но, с другой стороны, в эти годы был сделан и ряд позитивных практических шагов по развитию народного образования на местах. Так, в 1912 г. в крестьянских селениях Тверской губернии действовало уже 298 народных библиотек (больше всего в Весьегонском и Камышинском уездах – 88 и 50 библиотек соответственно). Большинство народных библиотек губернии содержалось на средства уездных земств, а 12 – на средства местных обществ трезвости. Библиотеки регулярно снабжались газетами и журналами; чаще всего из газет выписывались «Русское слово», «Копейка», «Школа и жизнь», «Свободное воспитание» и «Новая жизнь». Поступала туда и агрономическая литература. Вместе с тем, в этих библиотеках (как и в библиотеках других губерний России) широкое распространение получили «левые» и «прогрессивные» периодические издания: «Народный учитель», «Русское богатство», «Мир» и др.

Огромную роль в успехе многих хозяйственных и просветительских начинаний в 1907-1911 гг. сыграла личная деятельность П. А. Столыпина и лиц из ближайшего окружения великого реформатора. Отметим, что по ряду направлений результаты столыпинских реформ проявились спустя годы после смерти их главного организатора. Так, согласно подсчётам историка М. Д. Карпачёва, в Воронежской губернии к 1 января 1917 г. свыше 81 тыс. домохозяев вышло из общины и укрепило землю в свою собственность. В ряде губерний Европейской России успешно развивались хуторские и фермерские хозяйства, разгромленные Советской властью лишь в 1920-х гг. По существу, столыпинская аграрная модернизация означала вступление в завершающую стадию начатого ещё Петром I процесса европеизации страны, но с учётом «плюсов» и «минусов» её культурно-исторической специфики, включая её традиционный культурно-хозяйственный уклад. Однако основная часть российского крестьянства была категорически против разрушения общины, видя в ней наиболее удобное средство выживания, и именно в этом заключалась одна из главных причин личной и государственной трагедии великого реформатора. Как с горечью писал уже знакомый нам Е. Е. Крыжановский, со смертью П. А. Столыпина «сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покатила под гору и сама Россия». Вместе с тем именно в годы столыпинских реформ благодаря мужеству, упорству и подвижнической деятельности тысяч российских крестьян, агрономов, учителей, священнослужителей и учёных были достигнуты серьёзные достижения в деле общенациональной модернизации, и при этом доказано: успех преобразований – труден, но реален, однако, добиться его можно лишь на пути объединения усилий всех здоровых сил общества, на пути не революционно-разрушительного, а эволюционно-созидательного развития страны.

Список использованных источников

1. **Воловик, А. Пётр Столыпин** : отрывок из книги «Личность» / А. Воловик // *Честь Отечества*. – 2012. – № 3. – С. 7–11.
2. **Голиков, А. Путь «канатоходца»** / А. Голиков, И. Рыбачёнок // *Родина*. – 2012. – № 4. – С. 99–102 : цв. ил.
3. **Кабытов, П. Помещик села Чулпановки** : Столыпин в своих имениях / П. Кабытов // *Родина*. – 2012. – № 4. – С. 35–38 : фот.
4. **Козлов, С. Российские аграрники-новаторы периода столыпинских реформ** : для подготовки уроков по темам: «П. А. Столыпин и его реформаторская программа», «Отношение различных политических партий к его деятельности на посту премьер-министра», «Первые результаты столыпинских реформ 1907–1914 гг.»: 9, 11 классы / С. Козлов // *История*. – 2011. – № 13. – С. 10–21 : цв. ил.
5. **Лозбенёв, И. Согласие и противостояние** : аграр. реформа Столыпина и крестьянство : к 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина / И. Лозбенёв // *История*. – 2012. – № 3. – С. 24–29.
6. **Наумов, С. Государственное трезвомыслие** : Столыпин в исторической памяти и исторической науке / С. Наумов // *Родина*. – 2012. – № 4. – С. 109–111 : фот.
7. **Репников, А. Бесстрашие** : Пётр Столыпин глазами Василия Шульгина / А. Репников // *Родина*. – 2012. – № 4. – С. 29–31 : фот.
8. **Шевчук, И. Столыпины и Севастополь** / И. Шевчук // *Родина*. – 2012. – № 4. – С. 51–53 : ил.

Рекомендательный список литературы

1. Аннинский, Л. Обреченный на героизм / Л. Аннинский // Родина. – 2012. – № 4. – С. 122 : фот.

О личности, о реформах, о гибели премьер-министра России начала XX века П. А. Столыпина.

2. Антоненко, С. «Зажечь светоч вероисповедной свободы совести» / С. Антоненко // Родина. – 2012. – № 4. – С. 86–90 : фот.

Политик П. А. Столыпин и религиозный вопрос в начале XX века.

3. Белянин, Д. Н. Кому владеть Сибирью? : столыпин. переселен. политика в Сибири / Д. Белянин // Родина. – 2012. – № 4. – С. 60–63 : ил.

4. Белянин, Д. Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы / Д. Н. Белянин // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 86–95 : табл.

5. Давыдов, М. А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) / М. А. Давыдов // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 56–73 : табл.

6. Деннингхаус, В. «Что русскому хорошо, то немцу – смерть?» : земел. отношения и аграрная реформа в немецких колониях Поволжья (1900–1914 годы) / В. Деннингхаус // Россия XXI. – 2011. – № 4. – С. 82–101 : фот.

7. Жигунова, М. Где бабы коромыслами соболей бьют : в поисках лучшей доли и новой Родины / М. Жигунова // Родина. – 2012. – № 4. – С. 64–68 : цв. ил.

О традиционно-бытовой культуре столыпинских крестьян-переселенцев на протяжении XX века в Сибири.

8. Зайцева, Е. «Отечество наше должно превратиться в государство правовое» / Е. Зайцева // Родина. – 2012. – № 4. – С. 119 : цв. ил.

Об экспонатах выставки в Государственной общественно-политической библиотеке, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина.

9. Звягинцев, А. Кто заказал Столыпина? / А. Звягинцев // Аргументы и факты. – 2011. – 27 июля – 7 августа (№ 30). – С. 9.

О событиях столетней давности, в которых до сих пор остается много загадок, о личности министра царской России П. А. Столыпине рассуждает А. Звягинцев.

10. Карпачёв, М. «Усиленного разврата не замечалось» : куда шла столыпин. реформа в Воронеж. губернии? / М. Карпачёв // Родина. – 2012. – № 4. – С. 69–73 : фот.

О преобразовании сельского хозяйства Воронежской губернии в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина.

11. Комиссаров, Н. В. Судьба Столыпина – трагедия России / Н. В. Комиссаров // Русский дом. – 2012. – № 4. – С. 20–21.

12. Крепче стянуть рельсами державное могущество России // Родина. – 2012. – № 4. – С. 74–77 : фот.

Об этапах строительства Великого сибирского железнодорожного пути (1891–1916). О роли П. А. Столыпина в успешном завершении данного строительства.

13. Кружинов, В. «Водвориться на отведенные земли» : реформы Столыпина в Тобольской губернии / В. Кружинов, К. Анкушева // Родина. – 2012. – № 4. – С. 80–81 : фот.

О преобразовании сельского хозяйства Тобольской губернии в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина.

14. Куликов, С. «Матерые волки» или революционеры? : кто убил Столыпина? / С. Куликов // Родина. – 2012. – № 4. – С. 103–106 : фот.

Версия о причастности к подготовке покушения на П. А. Столыпина должностных лиц, непосредственно руководивших охраной Николая II и самого Столыпина.

15. Лойко, В. Е. П. А. Столыпин: на службе России : (библиогр. указатель) / В. Е. Лойко, Т. Н. Малышева // Библиотечное дело – XXI век. – 2011. – № 1. – С. 208–266.

Содерж.: От составителей; «Жизнь за Отечество»; Воспоминания современников; Столыпинская программа: замысел и реализация; Аграрная реформа; Реформы по укреплению государственного единства России; Местное самоуправление; Реформы и власть; Борьба с революционной угрозой.

16. Маковцева, Л. В. Столыпин и Саратовская губерния / Л. В. Маковцева // Русская история. – 2012. – № 2. – С. 24–27 : фот.

Об экспонатах уникальной коллекции материалов о жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля начала XX века П. А. Столыпина, которая хранится в Саратовском областном музее краеведения.

17. Мальцева, Л. Взгляд сквозь призму времени / Л. Мальцева // Родина. – 2012. – № 4. – С. 123–128 : фот.

Публикация фотографий из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов, освещающих разные этапы жизни премьер-министра России начала XX века П. А. Столыпина.

18. Милевский, О. «Я верю в Россию...» : Тихомиров и Столыпин: надежды и разочарования / О. Милевский, А. Репников // Родина. – 2012. – № 4. – С. 24–28 : фот.

О личных и деловых взаимоотношениях премьер-министра России начала XX века П. А. Столыпина с единомышленником Л. А. Тихомировым, мыслителем и политическим деятелем

19. Михалков, Н. Петр Столыпин против «норковых воротничков» : Никита Михалков – о трагедии одинокого реформатора и современной России / Н. Михалков // Культура. – 2012. – 20–27 января (№ 1). – С. 1, 6 : фот.

20. Могилевский, К. Белый хлеб на столе : итоги деятельности Столыпина и празднование его юбилея / К. Могилевский // Родина. – 2012. – № 4. – С. 42–43 : цв. ил.

Анализ основных положений столыпинских реформ в России начала XX века.

21. Могилевский, К. Столыпин и модернизация России : компоненты программы / К. Могилевский // Родина. – 2012. – № 4. – С. 8–13 : цв. ил.

22. Мурашов, Д. «И пал наш богатырь, России сын великий...» : журнал «Родина» о гибели Петра Столыпина / Д. Мурашов // Родина. – 2012. – № 4. – С. 120–121 : ил.

Публикации о гибели в 1911 г. премьер-министра России П. А. Столыпина на страницах еженедельного журнала «Родина», издававшегося в начале XX века в Санкт-Петербурге.

23. Осипов, Ю. «Меня поражал самый вид этих свободных хлебопашцев» : столыпин. аграр. реформа на Дальнем Востоке России / Ю. Осипов // Родина. – 2012. – № 4. – С. 82–83 : фот.

О политике переселения крестьян на Дальний Восток в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина в России начала XX века.

24. Полиенко, О. Столыпинские реформы. Алтай. Переагрузка / О. Полиенко // Родина. – 2012. – № 4. – С. 84–85 : фот. цв.

Об актуальности столыпинских реформ в современном развитии Алтайского края.

25. Прокофьева, Е. Второе дыхание : старинная усадьба Середниково / Е. Прокофьева // Крестьянка. – 2011. – № 12. – С. 28–30 : цв. ил.

Усадьба Столыпина и Лермонтова и ее знаменитые гости.

26. Прусс, А. «Самые наилучшие земли лежат в губернии праздн...» / А. Прусс // Родина. – 2012. – № 4. – С. 78–79 : фот.

Об освоении Оренбургского края трудовыми мигрантами в XVIII–XX веках. В т. ч. о столыпинских крестьянах-переселенцах.

27. Рогачевская, М. А. Преобразование Сибири / М. А. Рогачевская // Русская история. – 2011. – № 4. – С. 34–35.

28. Разгон, В. «Самоходы» против чалдонов : адаптация столыпин. переселенцев на Алтае / В. Разгон // Родина. – 2012. – № 4. – С. 44–48 : цв. ил.

О трудностях освоения крестьянами-переселенцами Алтайского края в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина.

29. Романов, А. Вильгельм II о П. А. Столыпине : [криптограмма] / А. Романов // История. – 2011. – № 13. – С. 60.

В представленной криптограмме зашифрованы слова Вильгельма II о П.А. Столыпине.

30. Ростовцев, Е. Человек и легенда : почему Столыпин попал в пантеон российских героев? / Е. Ростовцев, Д. Сосницкий // Родина. – 2012. – № 4. – С. 112–117 : фот.

О формировании образа П. А. Столыпина в России XX – XXI вв.

31. Серова, С. «Здесь был весь русский Киев...» : как хоронили Столыпина / С. Серова // Родина. – 2012. – № 4. – С. 107–108 : фот.

Хроника похорон П. А. Столыпина. Киев. 1911 год.

32. Соловьев, Георгий Данилович. «Сибирь они полюбили крепко...» : жизнь столыпин. переселенцев: свидетельство семейной памяти ; [беседа с Г. Д. Соловьевым, жителем Тюмени, сыном переселенцев, участником Великой Отеч. войны / записал С. Антоненко] // Родина. – 2012. – № 4. – С. 91–92 : фот.

Об истории своей семьи, переселенцев в Сибирь в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина.

33. Соловьев, К. Давления и влияния : кабинет Петра Столыпина / К. Соловьев // Родина. – 2012. – № 4. – С. 22–23 : фот.

О деятельности кабинета министров во главе с П. А. Столыпиным.

34. Столыпин, Дмитрий. «Россия всегда оставалась частью моей жизни» : [беседа с Д. Столыпиным, единственным внуком Петра Аркадьевича Столыпина, на борту теплохода «Инженер Пташников» / записал Пётр Черкасов] // Родина. – 2012. – № 4. – С. 2–7 : фот.

О родословной Столыпиных, о Петре Аркадьевиче Столыпине, об эмиграции и России.

35. Столыпин, П. А. Нам нужна великая Россия : материалы заседаний Второй Государственной Думы, 1907 г. / П. А. Столыпин // Смена. – 2011. – № 8. – С. 24–27 : фот.

Выступление Петра Столыпина на заседаниях Второй Государственной Думы, так как они актуальны и по сей день.

36. Столыпин, П. А. Наше Отечество должно превратиться в государство правовое / П. А. Столыпин // Смена. – 2011. – № 8. – С. 28–41 : фот.

Выступление Петра Столыпина на заседаниях Второй Государственной Думы, так как они актуальны и по сей день.

37. Хохлова, Т. П. Реформы П. А. Столыпина сквозь призму времени / Т. П. Хохлова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2012. – № 4. – С. 123–128.

38. Федулов, С. «Власть над землёю» : Гродненщина – стартовая площадка столыпинских преобразований / С. Федулов // Родина. – 2012. – № 4. – С. 49–50 : фот.

О реформах П. А. Столыпина на посту губернатора города Гродно в начале XX века.

39. Фоминых, С. «Я приехал сюда, чтобы пожать вам руку...» : Столыпин в «сибирских Афинах» / С. Фоминых // Родина. – 2012. – № 4. – С. 56–59 : цв. ил.

О рабочей поездке премьер-министра России П. А. Столыпина в город Томск в 1910 году.

40. Фролов, А. К. Последняя судорога самодержавно-помещичьей системы : (преобразования П. А. Столыпина через призму ленинских оценок) / А. К. Фролов // Российский экономический журнал. – 2012. – № 3. – С. 3–15.

41. Шелохаев, В. «Наша чернорабочая программа» : семь пунктов Столыпина / В. Шелохаев // Родина. – 2012. – № 4. – С. 32–34 : фот.

Анализ реформаторского курса П. А. Столыпина.

42. Шинчук, Б. Жизнь как урок истории / Б. Шинчук // Родина. – 2012. – № 4. – С. 54–55 : фот.

О деятельности П. А. Столыпина на посту губернатора Саратова в период с 1903 по 1906 годы.

43. Экштут, С. Обличение ренегата, или Сценарий карьерного роста / С. Экштут // Родина. – 2012. – № 4. – С. 14–21 : фот.

Биографические данные и этапы карьерного роста премьер-министра России начала XX века П. А. Столыпина.

44. Янченко, Д. Как Столыпин в Думе деньги считал / Д. Янченко // Родина. – 2012. – № 4. – С. 39.

О разногласиях Государственной Думы и правительства России во главе с П. А. Столыпиным в вопросах финансов и бюджете.

Интернет-ресурсы

1. Фонд изучения наследия Столыпина [Электронный ресурс] : [сайт]. – Режим доступа: <http://www.stolypin.ru>.

Фонд учрежден в 2001 г. в целях изучения и популяризации идей Великого Российского реформатора П.А.Столыпина. Основатель Фонда – кандидат исторических наук, статс-секретарь – заместитель Министра культуры и массовых коммуникаций РФ Павел Анатольевич Пожигайло.

Основные разделы сайта: «Биография П. А. Столыпина», «Основные направления реформ», «Генеалогическое древо», «Герб рода Столыпиных», «Столыпинские места (с интерактивной картой) Фотогалерея», «Библиотека Фонда (Алфавитный каталог книг, статей, периодических изданий)».

2. Усадьба Середниково [Электронный ресурс] : [сайт]. – Режим доступа: http://www.serednikovo.ru/history/stolypin_p_a/stolypin_p_a.html.

Середниково – усадьба, принадлежавшая Столыпиным, состоявшим в тесном родстве с бабушкой М. Ю. Лермонтова. И великий реформатор, и великий романтик жили в этой усадьбе.

Богато иллюстрированные публикации сайта усадьбы, посвященные Столыпиным: «О Столыпиных», «Столыпин Аркадий Дмитриевич, отец Петра Столыпина», «Д. А. Столыпин и А. И. Кутайсов об артиллерии. Об использовании теории деда Петра Столыпина в сражении Бородино», «Князь, Генерал-фельдмаршал, Андреевский кавалер, Горчаков Михаил Дмитриевич, дед Петра Столыпина», «Детство Петра Столыпина. Статья брата – Александра Столыпина – в журнале «Столица и усадьба» № 1 1914 г. «Средниково»», «Александр Солженицын. Середниково в жизни Петра Столыпина», «Мария фон Бок. П. А. Столыпин. Воспоминание о моем отце», «Илья Глазунов. Мой Столыпин», «Дмитрий Павлов П. А. Столыпин».

3. Реформы Столыпина. Направление, итоги и значение аграрной реформы [Электронный ресурс] // Историкус : обществ.-полит. журнал : [сайт]. – Режим доступа: <http://www.historicus.ru/stolipin>.

4. Уроки Столыпина [Электронный ресурс] // Государственная служба. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <http://www.pags.ru/academy/main/Clauses/43.php>.

5. Шелохаев, В. В. Западные экспертные оценки результативности реформ П. А. Столыпина [Электронный ресурс] / В. В. Шелохаев // Русское экономическое обозрение : электрон. период. издание : [сайт]. – Режим доступа: <http://www.economic-review.ru/publications/157>.